

СМЕНА

10

1956

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Синий

ЛЮБОВЬ МОЯ ВЕСЕННЯЯ

Слова М. ЛИСЯНСКОГО

Зелеными долянами,
Где рени синеокие,
Легит дорога длинная
В твои края дальние.

Легит дорога дальняя,
Мечта неутомимая
К тебе, моя печальная,
К тебе, моя любимая.

Меня нами расстояние
И ветерок мечтательный...

Музыка А. КУЗНЕЦОВА

Чем горше расставание,
Тем встреча замечательней.
И ты стонишь, красава,
Передо мной красавица...
Красивая, счастливая,
И не скрываешь этого!

Чудесное мгновение,
Пора непогоримая,
Любовь моя весення,
Весна моя любимая!

Летите голуби
Летите.
Для вас нигде
преграды нет.

НАВСТРЕЧУ ФЕСТИВАЛЮ

Как и большому, радостному торжеству, готовится к молодежному фестивалю в Бухаресте фестиваль молодежи и студентов, который состоится в будущем году в Москве. Вместе со своими многочисленными зарубежными друзьями советские юноши и девушки продемонстрируют свое национальное искусство, свою непоколебимую волю к миру. На снимках (вверху) первый молодежный был в честь фестиваля в Капотне, в Москве. Рядом (справа) — заслуженный мастер спорта СССР, мастер спорта международного класса Нина Грунина и Виктор Устинов готовят к фестивалю национальный танец Румынской Народной Республики. Справа (внизу) — народные артисты Кишиневской областной фабрики имени Сергея Лазо репетируют молдавский народный танец, который будет показан на VI всесоюзном фестивале молодежи и студентов в Москве.

Фото Г. Борисова, Н. Шубина и А. Моклецова.

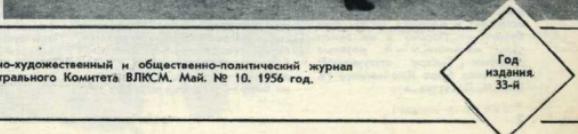

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Май. № 10. 1956 год.

Год
издания:
33-й

— Что говорить,—бубнит себе под нос Погудин,—раз знает?

— С мастером ругался — для порядка спрашивает секретарь.— В милицию попадай!

Погудин уже отвечает, а едва заметно утвёрдительно кивает головой. Голос Глухова поднимается до самой высоты нот, звенит неодолимо.

Комсомольское собрание постановило исключить тебя из комсомола.

Погудин вскакивает на него испуганные глаза, и глаза эти оказываются огромными, голубыми, ясными.

— Может, скажешь еще что-нибудь?

Этот вопрос кто-то повторяет, и только тогда Погудин понимает, что сказал. Что говорят! Он с любопытством заглядывает на Машу Кунину, сидящую ближе других. Маша хмурит брови и отворачивается. Переходит взгляд на Семена Скорцова, но тот низко склоняется над блондином. Шура Тернова пружит лицо в наброшенной поверх кофточкой газовой косынке. Уголок косынки падает на стол. Погудин машинально следит за ними, и вдруг замечает на парнике сумасшедшую ландышку. И у парня как-то сама собой расправляются пальцы, тепленин глаза. Майские ландышки... Лесные... Кто-то из них собирает... И все, кто сидят за этим столом, становятся в глазах парня и в добрее, и проще, и блаже, и лучше. Погудин больше не прачет глаза и не чувствует себя подсудимым.

— Не хочешь ничего сказать,—говорит Федя Колотушкин,—а нараспако...

— Хочу!

Погудин быстро встает со стула и бодро становится настороженно тихо.

— У меня мать умерла... три года назад. И вот с тех пор...

И просто, просто, будто сменившую Петью, парень рассказывает о своем горе:

— Отец и раньше-то меня не миловал, а тут женился на молодой, вовсе озверел. Чуть что, наорет, есть не даст, а то и... в зуны. Мне бы сдружили, да не могу: отец ведь... А тут как-то прямо говорит: «Мешаешь». Комната одна, и она мешала, так что только на глазах. И она тоже... Косится, не разговаривает. Броски я все это и ушел. Пять ночей на Петкии ночевал. Больше-то неудобно. Потом и на сеновале и где придется. Общежитие попросить? Стыдно: отец ведь есть, дом вроде бы есть. Другой раз сяду в дежурный трамвай и катаясь всю ночь, если кондукторша добрая попадет...

Выходит парень из кабинета, и Варыка видит, какое хорошее, открытое лицо. Выходит не торопясь, улыбается Варыка:

— Здесь работают!

— Здесь...

— А-а...

И в этом «а-а-ах» звучит уважение.

— Кем?

— Завучетом. А это,—Варыка кивает на машинку,—так, между делом. Некому больше...

Погудин продолжает смотреть на Варыку, но думает уже не о ней. Сколько лет растянуто его грудь. Сколько всех тяжестей, потерянных лет, с которых переступила час назад порог райкома, сбросил с себя в комнате секретаря и вышел оттуда не прежний, одинокий, издерганный, никому не нужный

человек, а другой — тот Петя Погудин, который пришел однажды домой с выпускного вечера, подал матери аттестат с отличием, полученный за окончание школы ФЗО, и всю ночь до зыбкого, синего рассвета мечтал с ней о хорошей жизни, о большой работе.

София и Егора, впервые за последние годы, высприли, поблагодарили помочь с общежитием, не утвердили решение первичной организации об исключении. Но Петру кажется, что произошло это же случайно. Почему-то он нагрубил, как ранние, почему-то открыл душу... Может быть, потому, что строгие члены бюро показались на этот раз простыми ребятами. А ведь, если говорить честно, он уже махнул на себя руками и на исключение из комсомола смотрел как на неизбежность.

— Вечерает. Бюро закончилось,

и все разошлись. Только Глухов

сидит у себя, пишет статью в рай-

онную газету, да Варыка стренож-

чен на машинке, торопится закон-

чить списки выделенных на об-

ластищу спартакиады из Ключев-

ского района. Завтра они едут, и

Юрий Трофимович Климов, ру-

ководитель делегации, очень про-

ся просил поторопиться. Варыка перепе-

рочил старый список, испещренный

«птичками», черточками,

пометками. Некоторые фамилии вписаны от руки, позже. Работа идет быстро, и вдруг Варыка настывает на красный карандашный росчерк. Жирный, резкий, он решительно выбрасывает из списка фамилии первообразника Быкова. Варыкны брови подрагивают до самых кудряшек и круто изогнуты в сторону рта.

— Исключается из команды,—

холодно отвечает Глухов.

— Как!!

— А вот так. За драку.

— Это из-за Шамова — еще больше недовольствует Варыка.— Саша! Так ведь Шамов — хулиган. Его давно пора осадить. И потом, он же девчушку оскорбил. Галю Рогону...

Кого бы ни оскорбил,—раздражается Глухов,—а выбрасывать его из клуба за шиворот Быков не имел права. Можно было милиции вызвать... Варыка Павловна!

— Да ведь Быков любил Галю Рогону! — вырывается у Варыки чужая тайна.

И с каким-то отчаянием она начинает доказывать, что Быков прав, что мало еще досталось Шамову и что она, Варыка, на всю жизнь возненавидела бы любимо-

го, который в ответ на оскорбление трусливо проскользнул бы в толпе и побежал задворками в отделение милиции, жаловаться.

— Да я такого... не ненавидеть, нет,—повествует она,—презреть буду. Здесь струси, так и в большей беде не поможет. Не заходит...

Варыка уходит, забирается на склады и не работает не продолжает. Глухов чувствует, что она ждет от него объяснений, синяков. Варыка тоже сидит молча. Глухов восстанавливает по рассказам всю историю с Шамовым, вспоминает его прежние хамские выходки и склоняется к варыкному мнению:

— «Действительно, Быков-то — хороший парень. И волейболист прекрасный». Без него команда не выигрывала. Тогда Варыка не могла — за моду вела эта барышня — указывать...

И он кричит Варыке:

— Что остановились? Печатай-тэл! Как есть, так и печатай-тэл: никаких исправлений!

Но сразу и не бойко, но ма-

шинка застучала.

Отправляясь домой, Глухов как

бы между прочим говорит:

— Списки отпечатав, положи-

те ко мне на стол. Завтра сам

Киевов передам.

Варыка понимает: списки нужны

Рисунок А. Лурье.

В Тимонино за чашкой чая

В сенях с морозом борется тепло.
Откроют дверь — взлетают клубы пара.
Стоит зима!

Вокруг белым-бело,
А мы в избе сидим у самовара.

Рисует стужа засоны на окне,
Но мы ее совсем не замечаем.
Так хорошо друзьям моим и мне
Беседовать и болтаться часом.

Старуха кормит птицу за окном,
А рядом инутика, радуясь погоде,
В пущистой шубке
катит снежный ком,
Как белый медвежонок на свободе.

Как белый, ненасыщенный тулук,
Лежит сугроб на поле поднимкою.
Струится дым из побеленных труб
И в воздухе стоит неколебимо.

Хозин повествует нам о том,
Как на волах здесь некогда пахали,

Соломой крыла каждый дом,—
Об этих днях забыть ему едва ли.

Меня ведет в гарем его рассказ,
Где на готовое,
строй держа обычный,
Полторки стоят как напоказ
Под новенькою крышей черепичной.

Смолясто полено неизначай
Стрельчат в печи.

Повита дым согнами.
Мы, словно дома, племя грузинский чай
С домашними большими пирогами.

Все дорого мне здеше:
Слова привета,
Огонь в печи и за окною снег.
Я вновь тебя благодаря за это,
Гостепримный русский человек!

Перевел с грузинского
Я. КОЗЛОВСКИЙ.

Глухову, чтобы утром незаметно для нее вписать быкова.

Глухов закрывает ящики стола и строго наизывает Варике:

— К Зуеву в Бобровку надо съездить, Варвара Павловна. Взносы задерживает и шестерых комсомольцев потерял без вести. Не учите числиться, а куда уехали неизвестно. Разберитесь. Задачи соревнования комсомольцев проведите...

— Завтра с попутной машиной выеду, в том ему, сух отвечает Варике, а сама мысленно ругает себя: «Ведь хотела же вчера съездить...

— Зачем на завтра откладывать? — возражает секретарь и забирает вихрастые белесые волосы под кепку! — Подвезу. Собирайтесь...

Варике вскрикивает от радости, по-детски ударяет в ладони:

— Вот здорово! А собираетесь мие нечего! Готовы?

Минуту спустя подмытые столы бы пыли, они мчатся на райкомовские мотоциклы по ключевским улицам. В позе заправского мотогонщика, никого пригнувшись к рулю, Глухов, а сзади, на багажнике, Варике. Ее трясет, подbrasывает; ветер свистит в ушах и рвет с головы шелковый шарф-флик.

— Держитесь крепче! — кричит Варике.

Но Варике не успевает принять рук/водящее указание секретаря к действию и на крутом, полублизком повороте падает с багажника.

— Ну вот! — ворчит Глухов, помогая Варике подняться! — Больно ушиблись?

— Нет, что вы! — сияет улыбающаяся склоненная голова, и, прыгнув с места, разбитое колено, снова замирается на багажнике.

Село Бобровка, большое и беспорядочно застроенное, стоит на невысокой, пологой горе. В центре две больших двухэтажных здания — школа и клуб. В стороне, за молодеными березняком, колхозные фермы. Это Новая Боб-

ровка. Минута ве, дорога огибает гору, пруд и теряется в сосновом лесу. Там, за лесом, село Малехин — цель срочного командировщик секретаря райкома.

Мотоциклист на мгновение останавливается у клуба. Варике едва успевает сесть на багажник, как Глухов дает газ.

Она дважды смотрит вспять Глухову, а потом, убедившись, что никто не видит, бросает в сторону Новой Бобровки. Колено болит, ей уже не радостно, а тяжко. Глухов сказал, что на обратном пути заедет, и просил съездить на девять вечера срочное комсомольское собрание. Он проводит, а Варике погоняется. Поздно, конечно, в девять вечера, но в горячую пору посевной иначе не соберешь.

Глухов возвращается в Бобровку двумя часами доселе. Он подкладывает к крыльям клуба глушитель, широко, по-казакски, раскрывает двери и в изумлении останавливаются: в клуб пуст. Вслед за Глуховым входит техника и подает записку. На клочке бумаги размазистым варикинским почерком написано:

«Саша Собрание пришлось отменить. Завтра цвет все выходит в поле. Отдыхай у Чуркина».

Глухов ногает. Он разыскивает заведующего клубом Михаила Чуркина, но Михаил только что вернулся из дальней тракторной бригады и Варике не видел. Глухов бродит по селу до поздней ночи, но ему так и не удается найти ни Варике, ни секретаря, ни членов комитета. А утром же техническая команда подала Глухову записку: «Саша. Прощай в связи с тем, что в селе Варике из-за снега заглохло трансформаторное здание, сюсни зверь, в нем кажется, что это делает его посыпчившим в глазах бобровских ребят. Работа слышит спор, и те, кто рядом, побросав работу, сходятся к варикиной телеге, отирают рукачами зумзокие лбы, закрывают, деловито здороваются с секретарем. «Надо поправлять положение», — решает Глухов, — надо проводить

участку. Варике стоит на возу и с трудом орудует тяжелой лопатой.

Она первой замечает секретаря, приветливо машет ему рукой, смеется и кричит что-то девчачьи, как Глухов дает газ.

Глухов вскипает. Ему хочется схватить эту девчонку за руки, сбросить с телеги и хорошенько отчитать. «Выскочила». Чертогица! — бормочет он на ходу! — Завтра же на бирюл Уволит! К Черногору! И, не дойдя до Варике, кричит срывающимся голосом:

— Кротков! Подуйте...

— Что? — не понимает Варике. — Вы там стали, Саша Ребат, секретарь райкома, принял приглашение!

Глухов перегибывает через кучу перегоньки и Варике:

— Вы что, комсомольской дисциплины не знаете в шарашиной конторе работает?

Варике бросает лопату, опровергает на себе старый, выгоревший ватник Миши Чуркина и поддергивает склонно спрашивает Глухова:

— Почему вы кричите?
— Потому! — гневно воскликнет Глухов и повторяет еще злее и громче: — По-че-му!... Собрание

— Не до собраний мы сейчас. Саша, — перебивает Варике, — Не когда заседать, да и решать надо здесь, в поле...

Она стоит на телеге, воинственно наложив руки за спину, неподчинительно, издали смотрит на Глухова. Смотрит в упор и поучает. По крайней мере, ему так кажется. А он, секретарь райкома, один на всемыслы тысячи комсомольцев, на которого каждая минута несет сюрпризы, заглядывает в глаза Варике, и видит, что это делает его посыпчившим в глазах бобровских ребят. Работа слышит спор, и те, кто рядом, побросав работу, сходятся к варикиной телеге, отирают рукачами зумзокие лбы, закрывают, деловито здороваются с секретарем.

— Если отдать комсомольцам поле за Выселками, получится что-нибудь?

— За Выселками! — снова аскочил с края Вана Бобровцев. — Да это столовая дорога, а не поле! Там и овес то прошлый год самый плохой выдался! Нет уж!

собрание сегодня. Задержу, правда, к открытию заседаний станции, услыха. Ну, да пустяк! И бросаю Варике убийственный взгляд, томон извинения говорят ребятам:

— Так уж получилось вчера... собрание отменили.

— Правильной! — густым басом перекрывает неуваженную речь Глухова колхозный коню Сеня Ширшов. — Зато вот кукурузу посеят все-таки.

— Идея... Саша, я обычно в таких промахах говорю, — говорит Варике, тянет Глухова за руки в сторону. Потом обворачивается к стоявшимся ребятам и шутливо грозят пальцами: — Перекур три минуты. Но больше!

Они идут по неровному влажному полю на почитительном расстоянии друг от друга и молчат. Оба содрогнуто смотрят под ноги, словно задались целью проследить, как налипает на подошвы вязкая земля и постепенно тяжеет обувь. Всюду припадает на уединенную ногу.

— Саша, — прерывает она на конец, нальвание. — Не ты сердитесь. Я сейчас все объясню... И, не давая Глухову ни возразить, не согласясь, быстро выкладывает свою «объяснительную».

Всю зиму комсомольское звено Бобровки трудилось на «своем» участке за Сосновым Логом. Выделили его, по решению правительства, из колхоза, под кукурузу, выращивание которой решено заняться комсомольцами. Выделили после большого спора, наerekаний стариков, что мол, эрэ зэмли разбазаривать при日报社. Комсомольцы осени вырыли ямы, засыпали поле, в зиму земли тут узбренки, задергиваются снег. Ранней весной проводили боронование, собирались культивировать. Но тут оказалось, что не хватает земли под яровую пшеницу, что залежи с другой стороны Соснового Лога осенью так и не подняли.

И председатель «в рабочем порядке», не собирая правления, решил передать обработанную комсомольцами землю полеводческим бригадам.

Узнав об этом, Вана Бобровцев, секретарь колхозной комсомольской организации, ворвался в кабинет председателя с быстрой шторкового ветра. Он бегал по комнате, стучал кулаком по столу, в изнеможении падал в разбитое кресло, снова вскакивал, опять метался взад-вперед и прошипел:

— Отдайте! Отдайте поле, Виктор Федорович! Мы же на нем культивировали!

— Хватит! — не выдержал председатель колхоза. — Убирайся вон, не мешай работать!

— Что? — вспыхнул комсомольский секретарь. — Вон? Меня — вон! Кукурузу — побоку! А решеника Пленума помнишь?

Вана испугался собственных слов и присел на краешек рабочего кресла. Но, видя слова его секретаря, выскочил из кресла. Глухов. Он помчался, взял по телефону агронома МТС и спросил:

— Если отдать комсомольцам поле за Выселками, получится что-нибудь?

— За Выселками! — снова аскочил с края Вана Бобровцев. — Да это столовая дорога, а не поле! Там и овес то прошлый год самый плохой выдался! Нет уж!

Он так же неожиданно и быстро вылетел из кабинета и тут нос к носу столкнулся с оторвавшейся Варью.

— Ты райкома... как можно скромнее сказала она.

Борзовец надал какой-то восторженный взгляд, скатив Варью к руку, и не успела она опомниться, как оказалась в кабинете председателя.

— Вот! — торжествующе выкрикнул секретарь.— Работник райкома! Пожалуйста! Как раз по кукурузному вопросу...

Помимо спас телефонный звонок. Председатель колхоза вызвал директора МТС, и, пока Виктор Федорович доказывал, что пять тракторов колхозу не хватает, и требовал на посевную шестой, Ваня рассказал Варье о своем споре с председателем. Настраив парень был виноватом, грозился даже наперекор председателю обмнать, хитростью забрать поле.

Варью только помсилась над его мальчишеской самоуверенностью и рассеялась в дыме все возможных планов.

— Оренбургская деревня, время, а может и на Высокий кукуруза вырастет. Потом-то смотрят? С агрономом советовалась?

Посхи колхозному агроному. Потом все вместе отправились на поле, а вернувшись, вправление, связались по телефону с главным агрономом МТС. Сообщи решали: поле за Высокими взяли и в оставшиеся три недели подготовить его к севу кукурузы. Когда вечером в клубе собирались комсомольцы, там, где было место для съезда, никого не было. Глухов не было, время шло, и самой собой открылось не предусмотренное планом комитета собрание с одним, волнившим всх в вопросах на посвистке дня: как в три недели сдеть столы, сколько было сделано за пологодия?

Решено выезжать в поле завтра же, в пять утра. Звону обзаялись помогать все комсомольцы. Вот и все, что произошло за вчерашний день.

Глухов слушает варью расказа и постепенно забывает о своей любви к Варье, на то, что она подправила его авторитет в глазах борзовских комсомольцев. Он даже испытывает что-то вроде гордости за нее — работницу рулводомного им райкома. Приехала — и помогла. А не вмешайся райком, не быть бы в Борзовке кукурузному полю. Глухов хочет сказать Варье: «Мы тебе поможем», — но так вызывающе веселые глаза, что Глухов навольно мрачнеет, отворачивается и сухо спрашивает:

— Ну, а со взносами как Радзубровский?

— Ой, — всхлипывает руками Варьяка, — забыла! Совсем забыла...

— А ведь за этим ехали.

— Это я понимаю, — соглашается она.— И про тех, шестерых, забыла. Закрутилась вчера...

Она снова кидутся по полу, и Варью чувствует себя перед Глуховым школьницей, только что получившей на экзаменах двойку. Ведь это совсем не мелочь — вопросы учета и комсомольские взносы. Она сама больше всех возмущалась, что ее предшествен-

ница Катя Елькина страшно запутала учет, что их район — один из худших в области по уплате членских взносов. А вот поехала... в нашу первую командировку — словно уговаривает ее мысли Глухов — и такая безответственность.

— Так ведь я же не нарочно, Саша! — чуть не плача говорит Варьяка.— Если бы не кукурузное поле...

Она выглядит сейчас почти беспомощной и такой маленькой, совсем девочкой. Глухов уже не злится. Ему даже жаль Варью, хочется приблизить ее, успокоить, что все погранично, что с ее недавним опытом работы также опасности, пожалуй, простираются.

Но тут ни трогательне ее растерянности не Глухов жаждет и беспощадно говорит Варье:

— Можете ехать домой. В пятницу пошлем сюда Кучину.

— Зачем же? — вырывается у Варьюка.— Я сама, я обязательно сделала...

И она снова становится прежней Кучиной.

— Завтра воскресенье, райком не работает, так что я и без вашего разрешения могу на день отстаться.

— Оставайтесь, — пожимает плечами Глухов.— Только ведь я уезжаю. На пополнуть добираться будете.

— Ничего. На пополнуть без опаски, — говорит Кучина. — Маша идет обратно по полю, малянья, нестразная. Вантик Миниш Чуркина просторным машком свистит до колен. Попы его, застегнутые на одну пуговицу, разлетаются от крепкого утреннего ветра. Глухов смотрит ей вслед и никак не может понять, чего больше в этой сумасбродной девчонке: упрямства или настойчивости!

В райкоме все попрежнему. Маша Кунина называет по телефону, сообщая комсомольским секретарям, что на среду рабочий день будет сорвано с другом. Шуряки пришли, зарывши в груду газетных подшивок, готовятся к докладу на семинаре вожаков. Только лицущая машинка, на которой стрекотала Варьяка, стоит под черным флагом, а ландыши в кабинете Глухова снова переставлены на окно.

Сам Глухов сидит за столом, рассматривает напечатанные в газете собственные статьи. Кучина уже давно занята письмом, в чём кажется, что обязательство должно кто-то позовин. У Глухова сегодня, как всегда, много дел. Надо побывать в молодежном общежитии строителей: поступили сигналы о скверных бытовых условиях; на обратном пути заглянуть на стадион, ремонтируют ли северную трибуну; успеть на совещание рационализаторов... Но вот уже однажды, а он все толчется в рабине.

— Алло! Алло! — не унимается Маша Кучина.— Рудник!

Глухов наконец не выдерживает. Хватает с рямы трубку и рявкает на Машу:

— Что вы там повисли на телефоне? Сделайте перерыв!

Маша кладет трубку, переходит в комнату, где скриптонто стоит прикрытым флагом, варкина мечтает и прославляется на другом телефоне. В то же мгновение в кабинете Глухова раздается звонок. Из Новой Бобровки через десант станций и коммутаторов заливает в райком голос Варьюки.

— Райком! Райком! — зовет она взвесело.

— Позовите Глухова. Это вы, Саша! Здравствуйте! Можно остаться еще на два дня?

— Из-за кукурузы... Можно, значит. Вот спасибо! Пусть Маша бабушку мою предупредит, попросите...

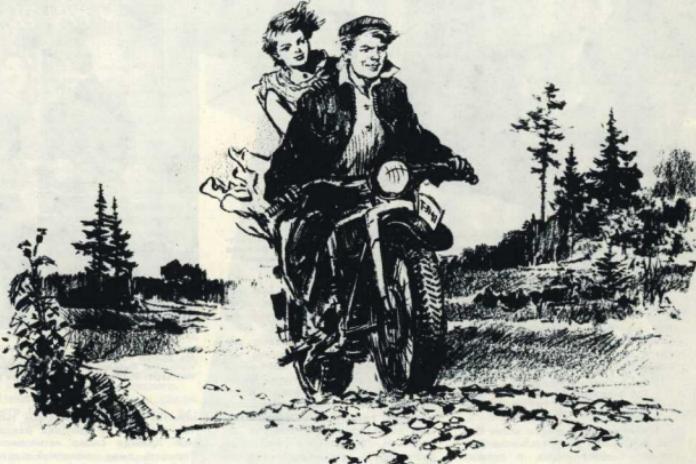
Варьюки голос смолкает, и Глухов уходит наконец в общежитие строителей.

Возвращается он в райком поздно, когда там уже никого нет. Над воротами висит скворица и сидит на варенье саженце. Скворица неудобно. Он обнаруживает на ступе толстый словарь и добродушно улыбается. «Надо бы прокомментировать расширенного бора перевеснать», — думает он.— Завтра приведут девчата со швейной фабрики комсомольские билеты получить, а они в шкафу закрыты. И вообще тихо как-то без нее... тоскливо». Последнее признание выражается само собой, и Глухов, недовольный этим, мгновенно покрывает: «Зато совсем спокойно. Работать теперь никто не möchte».

Он долго еще сидит в темной комнате и думает о том, как не просто в его двадцать два года быть секретарем райкома, как постоянно приходится помнить об этом и следить за собой, чтобы не «сорваться», не выглядеть в глазах других незнайкой, мальчишкой. Куча Кучина чисто обрадуется после техники горных мастеров на шахте. То есть не легче, а именно проще. Чего не знаешь, любого спросить не зазорно. И дружи были... Чуть даже не влюбились однажды... Хорошо было... Пожалуй, года два назад, так с Варьюкой дуэтом в самодеятельности пел бы Костя, как она из Борзовки добираться будет?. На второй этаж. Но вспомни шофера посадить. Молчал, поплакал, еще в Малакши съездить, дела там найдутся. А на обратном пути ее захватят...

Он входит в кабинет, почему-то сразу замечает букетик ландышей и как-то несмело, еще не решив, что это нужно делать, переставляет ландышки с окна на стол.

г. Свердловск.

Они о комсомольцах

"Они были
"первыми"

Кадры из киносъемки: вверху — это эпизод из начавшегося фильма о комсомольцах. Внизу — главные герои фильма Степан (артист Г. Юматов) и Глаша (артист Л. Алишинникова).

Xмурое утро. На плязном, за-
росчем бурьяном, берегу

Невы стоят парни в накинутой на плечи тулупке. Волны лепещутся у его ног. Издалека доносятся песни. Негромко, задумчиво:

За фабричной аистовой.

Где выпадет в дыму,

Да падет на землю драмативный,

Лет семнадцать ему...

Так начинается фильм «Они были первыми», рассказывающий о юности наших отцов, о первых комсомольцах.

1918 год. Петроград. У пустых магазинов вытянулись очереди, не

ходя трамваи, нет света. Все теснее сжимаются вокруг города вражеское кольцо. Гуки звучат по ночам шаги патрулей...

С завистью смотрят вслед рабочими отрядами, уходящими на фронт, подростки из заводской слободки на Охте: Степан Бердин, Глаша, Сашка Чинок, Кузьма. Их интересует громкий звук в окрестах, где прошло их детство.

Они хотят принять участие в революции, бороться за счастливое будущее, за свершение своих скроенных мечтаний. Но нелегко простым рабочим ребятам разобраться во всей сложности проис-

ходящих событий, понять, кто друзья и кто враги. Кипят страсти, вспыхивают споры, нередко переходящие в рукопашную; — молодежь ищет место в новой жизни, ищет применения своим силам, энергии.

Революционными путями приходят в комсомол герои фильма. Вот крестьянский парень Федор Саватеев. Он приехал из деревни в город, чтобы привезти на покупку лошади. Нищца, голода на деревне стоит за спиной белобрысого парня в лаптях и районе эпизоде. Недоверчиво смотрят он на городских. Но события не позволяют ему оставаться в стороне. На глазах Федора погибает от рук предателя Чикин, и Федор становится в ряды комсомола. Решившись вступить в комсомол, он гимназист Евгений Горовский, невольно ставший сандовцем тайного заговора.

Борьба с контрреволюцией идет не только на фронтах гражданской войны, но и в тылу, где еще орудуют саботажники и диверсанты. Лестно, загоряченно, пышно звучат песни воронежской молодости — вот наши «девятиничные партийности», вокали «Союза учеников Стрельцов» и стоящие за его спиной матери белогвардейцы стараются увлечь молодежь за собой, сбить ее с правильного пути.

В сурое время рождается комсомольская организация, ста-

уверенной поступи нового, сродни молодене, славия ее бойвой союз.

В кровавых схватках с врагом закаляются сердца первых комсомольцев. Об их геройских делах, об их радостях и потерях, о мечтах и первой юношеской любви повествует фильм «Они были первыми». Мы не будем подробно пересказывать содержание фильма, оставив это для подлинной романтикой кинокартинки. Читатели обязательно сами познакомятся с ее героями, проследят их судьбы. Но, побывав в кино, они не узнают о том, как рождался этот фильм, о тех, кто его создавал. Вот о том, что осталось за экраном, нам и хотелось бы говорить скромно здесь.

Левон Егоров пришел в кино из самодеятельности. Еще будучи студентом режиссерского факультета Всесоюзного государственного института кинематографии, он мечтал поставить картину, посвященную истории Ленинского комсомола. Это желание было не случайным. Работая секретарем институтского комитета КПСС, Егоров участвовал в работе съездов, какими являлись наши юношеские и девушки к революционному прошлому, к драме тревожной комсомольской молодости своих отцов. А как мало фильмов снято еще на эту тему!

Участвуя в качестве режиссера-практиканта в съемках «Молодой гвардии», Егоров познакомился с

На одной из первых районных конференций молодежи Петрограда. Слева направо: Кузьма (артист В. Терехов), секретарь райкома комсомола Колыванов (артист М. Ульянов), секретарь райкома партии Родников (артист М. Бернес).

новится близким и родным тысячам юношей и девушек неведомое прежде слово «комсомол». Верность делу ленинской партии, горячее стремление отдать все силы революции, непримиримая ненависть ко всему, что мешает

оператором Игорем Шатровым. В их замыслах, взглядах на землю кино сказалось много общего. Они сдружились, и с этого момента началась их совместная творческая биография.

Шли месяцы... На экранах стра-

ны появилась первая картина Ю. Егорова и И. Шатрова — «Случай в тайге», за ней — «Море струйное». Одноклассники не забыли своего звездного желания — снять фильм о первом комсомольцах.

В поисках сценария было немало прочитано книжек поднято материалов. Наконец, Ильинский принял решение о создании Московского театра имени Станиславского. «На улице Счастливой», «Это то, что нам надо!» — посоветовавшись, решили друзья. Автор пьесы Ю. Принцев вместе с Ю. Егоровым написали сценарий. Теперь можно было приступать к работе над фильмом.

Начали с подбора актеров. Идея напечатала сломившейся традиции поручить главные роли опытным,

В. Терехов (Кузьма) и другие исполнители. Некоторый опыт киносъемок имели М. Ульянов (секретарь райкома комсомола Колыванов), Г. Юматов (Степан), В. Бранен (Стрельцов), но и для них участие в картине «Они были первыми» явилось серьезным испытанием.

Попался, самым быстрым киногодом среди творческой молодежи, занятой в фильме, был Витя Степанов (Самык Чокин), который, несмотря на свои шестнадцать лет, до этого снималась уже в четырех фильмах. Витя не «профессиональный» актер. Он студент 3-го курса Московского авиационно-приборостроительного техникума.

Постепенно исполнители входили в свою роль, проникались ду-

На всю жизнь запомнилась встреча III съезда комсомола волниющую встречу с Владимиром Ильиным (в роли В. Ленина). арт. В. Кондратьев).

известным артистам, постановщики решили создать творческий коллектив из молодежи: ведь картина должна была рассказывать о юношах и девушках, только-только вступающих в жизнь, и адресовалась их ровесникам — комсомольцам пятидесятых годов. Такое решение было крайне заманчиво, однако его осуществление вляпало за собой дополнительные трудности.

Уже на первых съемках режиссер и оператор почувствовали, что молодые актеры, пришедшие на Московскую киностудию имени Горького, прямо из аудиторий театральных училищ и институтов, держатся перед объективом скованно, растерянно. Многое пришлося пероработать, например, с исполнителем роли Федора, будущим выпускником театрального училища имени Щепкина А. Голсти.

Первые снимались в кино студенты театрального училища имени Щукина Л. А. Аleshnikova (Глаша), М. Дерзких (Евгений Горовский), студент ВГИКа

хом той суровой эпохи, в которую жили их герои. В процессе работы выявлялись новые детали, глубина, вскрывавшаяся в съемках, вносились изменения в сценарий, в трактовку образов. Молодым актерам, да и постановщикам много помог опытный актер М. Бернес, игравший роль секретаря райкома партии Родионова.

Для натурных съемок коллектив выехал в Ленинград. Наступила горячая пора. Первым делом пришлось искать место, где можно было бы снять кадры, воспроизвести петроградскую окраину. Все надежды возлагались на И. Шатрова, выросшего в Ленинграде. Оператор привел товарищей к дому на берегу Охты, где находился дом Федора Смирнова, затерянный среди новостроек, низменные сараи, бульварная мостовая — все как бы специально сохранило черты прошлого.

Начались съемки. Хотя в целом место было выбрано удачно, однажды примирился нового постановко-

Кадры из кинокартины (сверху вниз): первая встреча Федора с ребятами из заводской слободы; Арrest главаря подпольной белогвардейской организации. Глаша рассказывает дяде Андрею, в семье которого она выросла, что нечтает пойти в бой вместе со Степаном...

РЕВНОСТЬ

Рассказ

— К полустанку подходит бронепоезд белых,— сказал товарищам командир комсомольского отряда Колыванов.

вторгались в кадр: то мешали антены радиозаводов, то асфальтированные улицы, то небо, да дым. Особенно трудно было снимать линораму, с которой начинается фильм: портальные краны, линии высоковольтных электроприводов, мощные бусиды, снующие по реке, нарушали колорит. Зрители даже трудно себе представить, какой сложный, извилистый путь проделал кинолентя, чтобы сконструировать эту захватывающую замыслы фильма линораму.

Большое мастерство оператора потребовалось и при съемке сцен в поезде, идущем на фронт. Обично такие кадры делают комбинированно: сначала снимают фон — быстрого мимо поля, деревья, телеграфные столбы, — а потом, уже в павильоне, — артисты. И Шевченко решил запечатлеть эти кадры в натуре. По следнему вагону товарного поезда на длинном тросе была приведена платформа с операторским краном и осветительной аппаратурой. Съемки велись на полном ходу, в дождь. В картинах Степан лежит на крыше теплушек, где сидят Глаша, Г. Юматов, играющий Степана, засыпая, придумывает ложности, сбиваются, которые он выработал в себе за время службы во флоте. В годы Великой Отечественной войны Г. Юматов был военным моряком.

В. ЛЮБОВЦЕВ,
Б. ЮРИН

Ценой собственной жизни Глаша спасла Степана от вражеской пули.

Над могилами таких людей, как Михаил Ковригин, нельзя плакать и неволю произносить поминальные речи. Нужно, скав зубы, вырвать про себя язвительную смерть, до беспощадности честно и исполненно, в честном духе, изображая духа этого человека, и, если есть в антракте хотя бы один патрон, попрощаться простым солдатским салютом...

Наш последний зал звука, гротунгут в морозном воздухе, и горы отставили густым, раскатистым эхом, медленно затихшим где-то в самых дальних ущельях. А как только это растянуло из ущелья, словно проснувшись от выстрелов, всплыли вперед, ударами, из кокона, изредка другой группой. Твердые снегизмы со снисканным шоком пронеслися голый кустарник на склонах и неслышно разбрзгались об угловатую груду камней самодельного памятника летчику Михаилу Михайловичу Ковригину.

Начальная экспедиция надела на голову ушанку и злымя движением глубоко надвинул ее на глаза. Потом, круто отвернувшись от могилы и молча начав спускаться вниз, в ущелье, где сквозь темноту виднелись квадратные сугени темных деревьев, куполами юрт кишак Бай-Гуркана и куполами юрт Михаильных ваджодук, ткнулся лицом о штурвал.

Позевавши от ветра, мы тоже молчали, скрипели подковами грубых ботинок по мелким, скользким камешкам.

Возле самого кишака главный инженер партии близоруко прислушивался:

— Первые похороны в Бай-Гуркане...

Да, в кишаке Бай-Гуркана не было кладбища. Покойный всегда совершил свой последний ступень в первом переходе из родной в далёкую страну Сашы и там же закончил, довольно-дико отвергнутом участке неглубокой горной земли находка вечной пристанища.

И как же случилось, что именно ты, Михаил Михайлович, родной наш для Миши, открыл в кишаке самый недобрый для людей склеп!

Мне до боли отчетливо вспомнилась его смешная привычка водить во время воления пальцы с изумрудной руки по ее спины, склоняя голову, пробастить увесистое и именное: «Собой-дется...»

И вот — не обошлось. Вчера утром из набухших снегом кустов вырвались, покачивая широкими крыльями, «АИ-2», привычно, почтя касаясь отвесных скал, развернулся и сел на узкой полоске, гордо именуемой аэродромом. С промерзшим, металлическим звуком хлопнули дверцы, и, не дожидаясь трапа, на землю спрыгнул второй пилот Александр

Белоусов. Я не узнал Сашу: захлещенные губы разорвал немой крик, а глаза, неправдоподобно огромные, немигающие, ничего не видящие перед собой, слепые глаза зрячего человека, обуглившегося от горя. Саша сделал несколько неверных шагов и, покинувши, положил голову на крыло самолета...

Вместо ожидаемых аккумуляторов для радио, свежих газет и вояжей невредного в горах коняка из притихшего воздушного корабля Бережки вынесли команда...

Что же это? Почему легкие, разные снегишки тихонько опускаются на лицо дяди Миши и не тают, остаются холодными губами в звоздории на широком лбу с глубокой залысиной?

— Да что там стряслось у вас в воздушке? Что? Отвечайте, че-

тодер!

Бортмеханик Павлик громко всхлипнул, и, занясь, начал плачить что-то неизвестное про то, как нормально работать дядя был в первом порядке, блистался Бай-Гурканом и юртами Михаильных ваджодук, ткнулся лицом о штурвал — и все, конец...

Не дослушав Павлика, мы сразу нашили виноватого. Будто в наемщицу на самолете притягнул главный врач экспедиции Гриша Карасев, чтобы пощупать заболевший живот нашего радиста. Радист стоял в стороне, ржал, а дядя Михаил лежал на полу палатки и никак не слышал, доктор, никого же не сможет автолечь!

Гриша, сутяга и без того узкие плачи, прошелся в свое оправданье одино-единственное слово:

— Сердце...

Дяде, говорите! А где вы были раньше, доктор? Сочиняли глупые любовные стишечки, прописывали на двери, писали письма на конвертах, не слушали?

Михаил Михайлович, склоняя голову, покачивая широкими крыльями и негромко, глядя ему прямо в глаза, сказал:

— И ты. А еще моторист...

Доктор отпустил Павлика и махнул рукой:

— Эх, вы!

Такая тоска и такая горечь прозвучали в голосе маленького доктора, что мы поняли: Гриша сейчас больше всех несомнавший свою неправоту.

Через три часа приветил, начальник экспедиции. Командир

шинисту ушанку, он быстро про-

шел в куртку, где лежало тело Ковригина, постоял с минуту, склонив голову, и спросил вполголоса, как спрашивают самого себя:

— Где будем хоронить? И тут вынырнуло невероятное: мы совсем не знали дядю Мишу. Среднего роста, лысоватый, с добродушной полнотой лица человека, он всегда казался на эти минуты уважаемым-семьяниным, отцом многочисленных детей и даже начинавшим дедушкой.

Так вот, ничего похожего не оказалось. Начальник экспедиции сообщил, что Михаил Михайлович Ковригин единок, и единок давно. Жена и дочь погибли в блокаду Ленинграда, и с тех пор единственным родным домом для Миши были автогарage при экспедиции.

«Умер на работе» — похоронить на работе... самой собой родилась не требующее ничьих подтверждений решение.

Несколько килограммов взрывчатки, и над кругтым обрывом зашипела едкой теплотой каменная могила...

А ночью я услышал, как плачет второй плющ Саша Белоусов. В кислотном темноте кирты раздался притупленный стон и сразу же мукожесткое, угрюмое рыданье.

В кирте, кроме меня и Белоусова, никого не было. Я наполовину вылез из спального места и включил аккумулятор. Непрекрасные лучи лампочки скользнули по косябкам деревянных юрт. Саша сидел в комбинезоне и уткнулся в спальный мешок, подперев колени руками. Его светлые, почти жемчужные волосы расстрапились, синевы предками на лоб, закрывали лицо.

Быстро вскинув голову, он глубоко кривнул:

— Погаси! Слышишь?

— Успокойся, Саша, — начал было я, но Белоусов яростно развел руками и куполе тотчас превратился в падающее круглое небо с дескатом синих, никому не нужных звезд.

— Табак есть?

Голос у Сашин звучал с приступенной хрипотой. Протянув кисет, я почувствовал, как дрожат его пальцы, а за jakiженная спичка долго прыгала над трубкой, не попадая оранжевым языком пла-меня в обман. Наконец Саша принесла спичку дугореза, и он нервно заходил по кирте, шагая утками по мягкому ворскушки.

— Ты был в Ташкенте ранней осенью? — неожиданно спросил из темноты Саша и громко выругался: — Будь она проклята! Одни обмы: цветы, прохладный веер, вроде весна, а на самом деле близок конец — сложь и сгори!

Он протянул через всю кирту и, остановившись, быстро выпалил:

— Помогите! Не перебивайте! И не думай, не тебе рассказывать. Сам хочу разобраться, с чего началось. Дай огни!

Опять тряслись на него руки. Он изломал целый коробок спичек, но когда трубка раскуривалась, загоревшая спичкой, ее разломленные каштановые волos, от смешных морщинок на переносице...

Говорил он к вправду для себя. Многой пропускал, ничего не объяснял, словно без разбора выхвачивал из разных уголков души пестрые кусочки своей жизни.

— Она курносая и смешная. Некрасивая. Улыбается — и на переносице морщинки. Такой я запомнил ее навсегда. С первого взгляда...

А причиной был Костя Крутогров, инженер из третьей партии. Он узнал, что мы идем в Ташкент на капитанку, и дал мне письмо. Мало ли волки я по воздуху письма? Я, не раздумывая, взял и пообещал вручить адресату...

До Ташкента мы еле-еле с Михаилом выскочили: рабочие часы мотора на исходе, не ладилось с погодой...

Но это был мой последний счастливый рейс! На машине два человека, как один, все понятое без слов, и ничего недоговоренного не стояло между ними.

Уже на обратном пути Михаил чонкурился со мной и говорил:

— Пора тебе, Сашок, сбегать от меня. Пора сдаться за левый штурвал.

Я наговорил ему всяческих горячих слов, что плевал я на должность первого пилота, что не могу быть него в воздухе, что просто-напросто люблю его, лысого черта, лучшего молчаливого черта на свете...

Я не врал. Я никогда не врал ему, с первых дней знакомства в походе для возвращения до этой проклятой ташкентской оффшоры...

Его хрохотная, скучающая поездка — и я краснел, как маленьчика, мог запрыгнуть на одног ноге, мог заорать во всю глотку: «Меня признает Ковригин!..»

Я радовался после многих дней пустынь и гор империалистичных синистров, ников, скучных в свакре, пиво, пиво, мороженое...

Больше других улиц в Ташкенте я люблю Пушкинскую,оказалась на ней по привычке и сразу вспомнила о Косте Крутогрове. Именем этого дурака-дипломата, которой предназначалось письмо.

Я нашел номер дома и у капитана увидел стакан студентов. Они о чём-то громко спорили и выживданно умолкли, как только я подошел к ним. На меня уставились несколько пар глаз. Все они смотрели одинаково напряженно, готовые в первом мгновении убить любое нападение на свою самую близкую, беспощадную молодость...

Я спросил, кому из них можно вручить письмо Крутогрова, и та, курносая, выхватила конверт.

— Девчонки! Послание от Кота!

Потом я понял: у них царствовал культ сокращенных имен. Даже ее хорошее имя Наташа прозвучало отрывисто, как щелчок бича: «Ната!»

При свете уличного фонаря она начала перелистывать костины писания, хоккотнула раза два, покицкивала и разбрала на части.

Я стоял немужским ми, чужой, обыкновенный почтальон воздушной дороги. Надо бы повернуться, уйти, но я не мог. Я вдруг возненавидел тихоно Крутогрова. Мне стало завидно, что он для нее не Константин Николаевич, а просто Кот, но мог оторваться от ее разломленных каштановых волos, от смешных морщинок на переносице...

Она не прочитала письма.

гом почувствовал: ей не безразлична моя болезнь. Пусть даже просто-деевчина она возмущена женской нечестностью, но она все понимает, верит мне и, главное, не хочет забыть и продолжить свою исповедь.

О себе Нат сообщила немного. Живет с матерью, преподавательницей музыки, учится на третьем курсе филфака. И со вздохом добавила, что никаких, абсолютно никаких нет у нее талантов...

Прощайся, она ублнулась:

— А знаете, у нас скрипки!

Что-то не ее, придуманным, проклятием было эти слова, будто она повторила чужое, подслушанную фразу. Но почему удаляется? Ведь ей же какое-навсего дадутся один год!

Я словно помолодел в ту ночь: не было авансшколы, войны, тундры и гор. Казалось, я иду не в гостиницу, а домой, к матери, как прежде, десятиклассником, с легким пушком на щеках. Приду и ученики начнут скрывать от мамы, что влюбился в какую-нибудь неподвижную, с косичками, из девятого «А».

Скрывать придется от командира. От самого близкого, самого верного и требовательного друга. Белоусов умолк, послеп давно погасшей трубкой и предложил:

— Хочешь, покажу ее фотографию?

Я начал соединять, на щупль обрывы предводил ту же Саша погоня кинули руку на плечо.

— Не надо. Веря так курносая и смешная. Страной Я и теперь не помню лиц ее подруг, путаю имена, не знаю, где они учятся. Никого я не видел, кроме Нат, никого не замечал...

Мы встретились каждый вечер, и с каждым вечером мне становилось все труднее. Оказалось, наезда выжить на себе штурвал и скрипку не хватает, а еще кое-что...

Она вполне серьезно относилась к и к радиок с джазовыми пластинками и к Бетховену. С жалостью посмотрела на меня, когда я признался, что не умею танцевать.

И еще приятели. Вот где я на-толкнулся на пропасть — ни пешагнуть, ни замостить! Ее сестра, юная девочка, склоняла веселые задорные рожицы к революционным по очереди, завидев, что они ее знают раньше меня, она с ними проще и считает вполне нормальным отправляться с таким приятелем в кино, если я занят, бывать в гостях, часами трепаться по телефону. И стояло мне мало-малыски высказать недовольство, что ее провожает из университета

Петя или Юра, Нат искренне удивлялась:

— Но он мне только друг. Разве ты не понимаешь?

А я не понимала и не желал понять! Я старше ее на десять лет и забыла, как можно девушке только дружить с парнем...

И если мне трудно, то что скажет Михаил Михайлович, подхвативший по возрасту в отцы нам обоими? Новый, никогда не испытанный раньше страх засел в мою душу. Вдруг я спирнусь, высунувши язык, усекающие полчища комковки и кусочки с посыпкой из три точки любимым изречением: «Обойдется...»

Целые дни мы проводили с ним в ремонтных мастерских. После работы Михаил Михайлович отправлялся в Дом офицеров погонять биллиардные шары. Стараясь не прощаться, я выскакивала в коридор гостиных и торопливо на сидение к Нат.

Щемящее чувство вины перед Корвингриным не покидало меня. Словно я винила себя в беспечности, когда Нат ее подругам своим командировала. Я рассказывала, как бесстрашно летал во время войны Михаил Михайлович во вражеский тыл к партизанам, как в Арктике сквозь прург пролетел самолет к экспедиции, потерпевшей бедствие, как умеет он подсадить машину в горах, между скалами, на одном ему доступном патчке земли...

Девчонки слушали, восхищались, а я, однажды Рут решительно потребовала:

— Сегодня твой командир придет к нам на чашку чаю. Совершенно железно.

Отказать я ей не мог ни в чем. Собравшись с духом, самым равнодушным голосом я промямлила утром Михаилу:

— Приглашают нас в гости. К восьми часам.

Но поинтересовалась, куда и кто приглашает, продолжая копаться в моторе, он кивнула:

— Оставь адрес. Я попозже зайду...

И он заглянул... Не хочется вспоминать, не хочется верить, что был в моей жизни тот вечер...

В квартире Нат собралась втроицу и два — три студента с серьезными от молодости лицами. Серьезность быстро прошла, подогреваемая легким вином и пронизительными звуками радионы.

Мамаша Нат познакомилась со мной суховато, видимо, инстинктивом подозревая, что не впрочем приятельской встречи хотят в компании донести. Но я не огорчалася. Мне нравились все юноши, согрето-дотчно топавшие танго, стоявший розовый рюкзак с гледищами на лаке, тягущие айворовы вареные в прозрачные вазочки...

Он пришел в половине двадцатого. Дверь открыла ему Нат, и я увидела ее растерянное куросное лицо. Еще бы! Ожидала воздушный бог королевства дружбы, а он — склонившийся передо мной, пылающий лысый грацианин в куртке, зоне, давно приобретенном пиджаке.

Михаил Михайлович, пожмакив руки, быстрым взглядом окидывал головы и негромко произносил:

— Корвингри.

Его мгновенного взгляда было достаточно, чтобы юноши притихли и выключили радиону, девчонки почему-то перешли на шепот

и даже мама заторопилась по неотложным делам на кухню.

Никто из них никто не понял пристальных, оценивающих глаз! Ведь так смотрят строгие, требовательные отцы, которые твердо хотят знать, с кем собирается соединить свою жизнь сын, что за люди окружают его избранника...

Нат налила ему вина, он вежливо поблагодарил, выпил в полной тишине и, поправив разрезанные на полоски куриные крылья, вновь сидел. Юноши стремглав бросились к нему и дружно открыли обычайские пачки «Кабекка». Но стоприк осталась верен своей многолетней привычке. Он достал из нагрудного кармана изгрызенный продукт ему и, вставив коротышко-курагетку, окунулся горьковатым, деревяшевым дымящим.

— Рассчитывала Заполье. Мы ведь и снега настоящего не видим — попыталась спасти неловкое положение Нат.

А мне у вас душновато. Извините, прошу вас, прокротью.

Не прощаясь, он поднялся с дивана, тянулся в блокнотку скройки и в коридоре не заметил моей противной руки.

Я вернулась в столовую, задыхаясь от обиды, а Нат вдруг улыбнулся очень взрослой, снисходительной улыбкой:

— Ты не расстранишься, Саша. Он одинокий, потому и злой.

В корту ворвались яростные, с разумом костяных лязгом кильков рычагов чебанские очевидцы и переполненный золотой вой.

— Еженощный концерт, — сказал Саша и вздохнул. — А может, от такого концерта и не требуется у нас душа? Ему я честно рассказал про Нат, а она никогда не поймет, что почти десять лет я проводил у него на правом штурвале. Он создал меня, я был его последним учеником, показал, больше, чем сыном, я был его молодостью. И он не мог

Я знал, что Петя — один из «только друзей», но все равно поморщился. Нат, заметив мое кислое выражение, дернула за ремень платья и шепнула:

— Тебя не будет. Я в одиночестве с ума сойду.

Глаза ее не вспыхнули: они смотрели грустно, открыто и светились неоспоримой верой девушки в абсолютную порядочность мира...

Так все и кончились. Невелико расстояние между птицами краслыми, да встала между ними непробиваемая стена!

Сколько раз я порывалась броситься к нему на шею и закричать:

— Ты не прав, старик! Я не покидаю тебя! Ты никогда не будешь одинок! Ты постараешься, вспомнишь как ты сам встремился в жену... Отцы что ли виноваты? Всю ветку сирени или другую необходимо для любви глу- посты!

Но ничего не выходило! Мы молча летали, разговаривали по поводу горючего и посадочных площадок, встречали порозы Новый год, и стояло ему заметить в моих руках конверт, он язвительно содрогнулся:

— Об измене, конечно же не пишут! Скоромно забывают. Не могу не признаться, я подал вихонку да рапорт о переводе.

А вчера дежурный по аэродрому сказал, что меня вызывают в проходную.

В мокром от снега пальто, с маленьким чмоданчиком стояла Нат. Испуганная собственным по-двигом, она, запинаясь, проплевала:

— Каникулы... Ну, я и приезжала...

И опять доверчиво светились ее глаза, словно твердо наперед заявляли: «Ты ведь ничего плохого мне не сделашь. Я знаю...»

Еще плохо веря в происходящее, я прогнулся к ней руки и услышала за спиной:

— Чудеса! Невесты за жениться гоняются!

— И опять обрубаешься! До всех тоностей я знала голос Михаила Михайловича Корвингрина. Издательство исчезло, грусти и даже узажение к Нат прозвучали в его словах.

Все так же грустно он попробовал вспомнить:

— Не обижайтесь, девушка. Теперь и вправду пора уступить Саше ее штурвал. Семейному человеку командирской надбавка к зарплате не подходит. И, не дав Нат опомниться, он вытащил из кармана ключ.

Возмите. У меня чистые, чистые заслуженного нерважи Белоусова. Отдыхайте. Завтра попирами. Нам пора, Сашок!

У Нат, как тогда в Ташкенте, блеснуло под ресницами, она взяла ключ и смешно подсекла на носках, чмокнула Корвингрина в щечку...

Саша громко всхлипнула и вытерла тыльной стороной ладони глаза.

— Вот он и уступил левый штурвал. И полировали... Что я скажу ей теперь?

Белоусов подошел к двери и отдернул полог. В корту прокопыкали первые, еще сероватые лучи рассвета. Медленно потухшие в дымовом отверстии звезды упорно напоминали о прошедшей ночи.

Снег там есть — он усмехнулся и покосился на меня.— Медведи встречаются. А в общем, холода...

Густые красные пятна вспыхнули на щеках Нат, под ресницами — что-то блеснуло; приснился гусиный лёд и легкомысленна. Она любит радиону, но я когда-то вертел патефон, ты, наверно, расстипал меха гармонии. Ведь ей двадцать один год! Ты забыл, что это за возраст, скончай.

Завтра уедем из Ташкента. Мотор готов,— отвечала мне командир и, повернувшись к стекле, демонстративно закрал.

На аэродроме мы наспех попрощались с Нат, поклялись писать длинные-длинные письма, и вдруг в последнюю минуту она сказала:

— Сегодня с Петей собираемся в театр. Уже есть билеты.

"Знагитъ, наша!"

Вот ведь как оывает: из-за одногоД единственного слова вся жизнь по-другому пошла. И, главное, о слове-то ничего не скажешь. Слово как слово. Но в судьбе Лиды Барановской оно сыграло, как ей казалось, роковую роль. Лида Барановская считала, что правописание загубило ее.

«Любовебильный»... Ну что бы мог помочь? В этом слове после «ко» нужно писать «а», а не «и». Однако с законами языка не поспоришь: всем своим авторитетом они встали на сторону буквы, несправедливо обойденной Лидой. Две красные черточки под злосчастным «и» в сочинении означали, что экзаменующаяся Л. Баранова допустила ошибку.

Одна ошибка — одна балла дойдёт. А он был нужен дозору: конкурс для учащихся. Ни каждого места, находившегося несколько поступающих. Лишний балл решал судьбу.

И он ее решил в пользу Лиды. Как раз одного балла ей не хватило. В просторном мрачноватом зефилобле Белорусского сельскохозяйственного института она увидела свою фамилию не в верхнем левом углу доски объявлений, где в алфавитном порядке перечислялись призы, а в нижнем правом. Это было угол неудачников. Там висели списки тех, кто по конкурсу в институт не прошел.

Тяжело было на душе. Лида часами потом испоминала, как вышла из института, как шла по улице. Шла солнечной стороной, а солнце словно не светило; смотрела на цветы в партерниках, а они не радовали. Мысли в голову лезли мрачные, скверные, тоскливые. Выхода не видела. Тупик и тупик... Лида, как и многие другие, считала, что «загребают» честных квакашек в школе и обязательное свое продолжение имеет в институте. Если же института нет, то и фотография нет. Какая уж там жизнь без института!..

Возвращаться домой не хотелось. Дома неродной отец, дома постоянное ощущение того, что ты лишняя. Растрелянная, пришепленная неудачей, с мыслями о том, что впереди не ждет ничего хорошего, Лида собрала вещи, купила билет, села в поезд. Был еще до станции Кохтла. Там, в эстонском городе Кохтла-Ярве, жила ее тетка. К ней и поехала.

В дороге, незадолго до того, как Лида сойти в вагон подсели новый пассажир. Был он седоват, под глазами набралки мешки, лицо усталое, но что-то очень привлекательное таилось в светлых глазах. Растроенная Лида, почти слова не проронивши за всю поездку, вдруг разговорилась. Так бывает: именно с чужим челове-

ком иногда легче поделиться своим горем.

Собеседника звали Алексей Дмитриевич. Он слушал Лиду, не перебивая, потом спросил:

— Значит, очень жалеете, что не попали?

— Нет, вы не так меня поняли, — бесхитростно призналась Лида. — Жалко, что вообще не попала.

— Ах, « вообще... » абы институт...

Алексей Дмитриевич стал горячо доказывать: самое страшное для человека — это ошибиться в выборе профессии.

Как вы можете так легко мысленно определить на пути к которому зависят все ваши будущие? — говорил он. — Ведь тот, кто не находит себя в профессии, не найдет своего места и в жизни.

— А что за место в жизни я займу сейчас? — запальчиво возразила Лида. — Ну, устроюсь на производстве, ну, стану подручной слесаря или еще кем-нибудь в этом роде... Подумашь, перспективы...

Для чего же спрашивается, и училась, для чего, как дура, тригонометрию, физику, химию, географию?

После остановился на станции.

Перед окнами вагона раскрылся типичный эстонский пейзаж: ровный, как стол, зеленый луг, колпаки сена на сушалах, кучи валунов по обочинам дороги, зубчатая стена сосен поодаль.

Загрузка камерных печей на цаплеверабатывающем комбинате.

На путях рядом тяжело отдувалась паровоз. Тендэр его был доверху заполнен мелким светлым, похожим на песчаник камнем.

— Танец? — спросила Лида.

— Точно, — подтвердила Алексей Дмитриевич. — Как догадались?

Девушка ответила, что догадалась первично, ход, моя, расположением простой: раз все паровозные тендры загружаются топливом, значит, тендэр паровоза, который мы видим, тоже загружен топливом; раз в Эстонии основной вид топлива — сланец, а мы находимся в Эстонии, значит, топливо, которым загружен тендэр, является сланцем.

— Как-никак, я логику проходила, — заключила Лида.

Но видите, формальной логикой напросто не решается вопрос: «Зачем?» — спросите вы. — «Что мне это надо?» — с укоризной заметила Алексей Дмитриевич. — Фундамент, дорогой товарищ, подвели под себя, солидный фундамент! На нем и строят дом своей жизни. Только предумышленно стройте, по сознательно выбранному плану.

— Дом жизни... Это вы хорошо сказали, — задумалась Лида.

...Был вечер, когда автобус доставил Лиду со станции в город.

На центральной площади эстонцы счастливо отговаривались уличные фонари, деревья будильниками отбрасывали густую тень, мелькали афиши театра, клуба, кино. После скромного поселка на Смоленщине, где Лида провела большую часть своей жизни, благоустроенный Кохтла-Ярве показался ей очень красивым.

Девушка сошла на центральную площадь. Перед нею где-то неподалеку возникли громадные, сверкающие огнями корпуса, высокие трубы, резервуары, металлические ограды.

Это был сланцевый комбинат, основное предприятие бассейна.

Аллея Победы в г. Кохтла-Ярве.

Лида склонила о нем и сейчас всматривалась в светящуюся окна, ловила гул, доносящийся из коридоров. Кто знает, может быть, здесь начнет подниматься она стены того дома, о котором говорил ее спутник, — дома своей жизни?

Лиду принесли на комбинат в печной цех туннельницей. Печной цех главный. Здесь из сланца вырабатывается газ, отсюда начинает он свой дальний путь по трубам. И склона, в огромный, многоэтажный корпус, привели молодежь работников.

Туннельница должна работать в туннеле. Это ясно. Лида представила себе мрачное, сырое подземелье и почему-то вагонетки, которые ей придется катать. Но в цехе, куда она пришла, неказалось ни подземелья, ни вагонеток, ни даже самого туннеля в общем понимании этого слова.

Туннелем называли туннель во всю длину коридора, ведущий к подземной галерее плавучим потолоком и обдуваемым всеми ветрами наружной открытой стороной. Здесь один за другим туннелились ряды стальных цилиндров — вольверов. Канавки-клапаны в них опускались, какие-то поднимались, взмыла бушевал газ.

Несколько ступая по железному настилу туннельницы, Лида села на металлический подиум лежащего потолока. Лида знала, что сидеть на нем опасно. Она вспомнила ее в круг обязанностей.

Объяснения много времени не занимали. Мастер был первогородчич от природы, скромные же знания русского языка делали его вполне лаконичным.

— Это блок, — сказал он, покинаясь на ряд цилиндров. — Сорок восемь пар вольверов. У них есть лестница, есть двери, есть створы, есть клапаны. Поясни, пожалуйста, что такое вольверы, почему они воротятся, как раньше. Каждые полчаса. Чтобы открывать и закрывать, будете нажимать эту кнопку. И подметаете, будете подметать, много пыли кругом летит. Пока все. Потом что надо, Светланка покажет. Она гаваниши.

Горяко скаж губы. Лида засмеяла щечку, покраснев с жалостью, настала славянская пыль. В пятнадцать промелькнула товарищ школьных лет, веселчак и балагур Шурука Пряжков. Это с его легкой руки в обход десятого класса вместо всем понятного слова «выпускник» нашлось другое, на редкость нескладное — «выбранник». Прощаясь после уроков, он неизменно говорил Лида: «Быть выбранником Баранкова, приятно!»

И вот абитуриент Баранкова, вооруженная щеткой и соком, подметает пыль в печном цехе. Великолепное достижение! Этими занимается тетя Фея, ее сменщица, и этихи будут заниматься она. Пожалуй, работница в разговоре манометр назвала «манометром», никаких аттестатов об окончании средней школы она не имеет, но в работе явно может лить. Лида лежала, очи вперед. Да стояла ли после этого учительчики, стояла ли добиваться пятерок?

Умное настроение первого дня держалось недолго. Если верить утверждению, что культурный уровень человека определяется количеством возникающих ассо-

циаций, то у молодой работницы их возникло довольно много, и это помогло оставаться на работе с быстрой, вызывающей открыенные восторги тети Феи: «Ну, новенькая! Ну, молодец!»

Нити ассоциаций неизменно тянулись к школе. Следя за стрелкой «манометра» на первом дежурстве, Лида вспомнила манометр — прибор для измерения давления жидкости или газа. Манометры бывают поршневые, пружинные, жидкостные, электрические, ионизационные. Принцип устройства манометров...

Принцип устройства вспомнился сразу, но вспомнился. И глядя на учебника, где описывались процессы «внутреннего горения», тоже вспомнилась. Вспомнились и другие основные законы физики: закон Гальтона, закон Релея, закон Стокса... Лида разобралась, что происходит в вольверах, почему в обогревательных простенках пещер потому генераторного газа в одном случае устремляются вверх, а в другом — вниз, почему в связи с этим приходится открывать, то закрывать левые и правые клапана. «Новельник» как прозрела на производстве.

Не обошлось и без неприятностей. Чистила одежду. Лида впервые в жизни увидела, что лучше не засыпать по газовому, во времена пропашки кантовки. Делалось это простым нажатием кнопки. Вал, соединяющий линию вольверов, приходил тогда в движение, и закрытые клапаны открывались, а те, что были открытыми, опускались вниз. Такая кантовка пропащала каждые полчаса.

Автоматическая кантовка... Ну да, это именно то, что нужно! К мысли об автоматизации кантовки вольверов Лида пришла на работе. Смена протекала спокойно. Гавзиочкин, место которого было эта кантовка, удачно не попалась на глаза, поэтому вольверы туннельницы открывать или закрывать, прибавлять или убавлять газу в какой-либо из вольверов. Печально работали на реальность спокойно.

Лида присела на тумбочек, стоявших у открытий стороны туннеля, достала листок почтовой бумаги, руки-самоспаску и не без труда составила письмо на имя начальника комбината. Письмо было адресовано генеральному «Радиоремонту», она изложила мысль об автоматизации кантовки вольверов и предложила создать механизм, приводящий в движение кантовочный вал, с часовым механизмом.

Для через два туннельницы Баранкова вызвали к начальнику комбината. Переступая порог кантовки, Лида вспоминала. Она понимала: решай, пойдет о письме.

Да, пойдет о письме. Но об этом и звонок почтальона не очень обожающие Лида узнала, что с предложением она опоздала. На одном из ленинградских заводов, где тоже есть вольверы, автоматическая кантовка уже осуществлена. Опыт ленинградцев будет переднесен сюда. Сделан запрос. Скорее всего, получена техническая документация.

— Выходит, я в открытие ворота ломаюсь, — смущаясь Лида и сделала движение, чтобы встать. — Извините!

— Вы-то чего извиняетесь? — будто сердясь, сказала начальник комбината. — Это мне следовало бы извиниться.

— Вам? — Ну, да. Вот прочитал ваше письмо, дельное предложение я вижу: слабо мы нацеливаем людей на совершенствование производства. Мысли мысли будут наше! Побольше опираться на колективный разум...

Дальше разговор пошел о делах, каких-то самой Лиды. Начальник комбината понимеровался ее с погнутым стержнем. Да, не складилось, получилось, очень не складилось. Это все потому, что в этой еще не выработалось чувство времени. Вон тетя Фея! Той и на часы смотреть не надо: не глядя на циферблат, она всегда точно знает, когда надо кантовать, ни за что не ошибется. А у нас этого подозрительного чутка пока нет. Ей все время о часах приходится помнить. Ну, и получается что-то неладное...

Молодая туннельница искала не оправдания себе, а ответа на вопрос. Она не понимала: с одной стороны, совершенная аппарatura, сложная техника, точные формулы химии и физики, а с другой — тетя Фея с ее подозрительным освещением полуучасовых интервалов. Несоответствие явно! И почему-то с этим мирится. Может быть, потому что знаешь, что нельзя? А может быть, привыкли, пригнадились, никто не замышляет...

Второе, пожалуй, вернее. В конце концов речь ведь идет не о такой уж сложной технической задаче! Нужно соединить кантующий вал с часовым механизмом — только все! Тогда часовая стрелка, синхронизированная с часами, будет сама включать контакты. Кантовка станет автоматической.

Автоматическая кантовка... Ну да, это именно то, что нужно! К мысли об автоматизации кантовки вольверов Лида пришла на работе. Смена протекала спокойно. Гавзиочкин, место которого было эта кантовка, удачно не попалась на глаза, поэтому вольверы туннельницы открывать или закрывать, прибавлять или убавлять газу в какой-либо из вольверов. Печально работали на реальность спокойно.

Лида присела на тумбочки, стоявших у открытий стороны туннеля, достала листок почтовой бумаги, руки-самоспаску и не без труда составила письмо на имя начальника комбината. Письмо было адресовано генеральному «Радиоремонту», она изложила мысль об автоматизации кантовки вольверов и предложила создать механизм, приводящий в движение кантовочный вал, с часовым механизмом.

Для через два туннельницы Баранкова вызвали к начальнику комбината. Переступая порог кантовки, Лида вспоминала. Она понимала: решай, пойдет о письме.

Да, пойдет о письме. Но об этом и звонок почтальона не очень обожающие Лида узнала, что с предложением она опоздала. На одном из ленинградских заводов, где тоже есть вольверы, автоматическая кантовка уже осуществлена. Опыт ленинградцев будет переднесен сюда. Сделан запрос. Скорее всего, получена техническая документация.

— Выходит, я в открытие ворота ломаюсь, — смущаясь Лида и сделала движение, чтобы встать. — Извините!

— Вы-то чего извиняетесь? — будто сердясь, сказала начальник комбината. — Это мне следовало бы извиниться.

— Учиться думать, — ответила она.

— Вуз идет? Так, так... — В тоже собеседника Лида посыпалась холода. — До чего автоматически действует иногда наша молодежь! Есть проторенная дорожка из десктопов в институт, и человек тянет, сориентированный не залыжевшимся, а то и сам не знал, для него других путей... А пути — вот они: к нам похаживает! Ты и работа интересна, и заработок хороший, и учиться можно... Но, правда, гастролеров я не зову. Гастролерам нам и нужны. Сами мы понимаем: от человека, который приходит на комбинат, как гастролер, ты бы мог досидеть до следующего посева, если бы сама жалеть не приходится. А также, извините, попадаются: осенью после неудачных экзаменов приходят, летом перед новыми экзаменами уходят. Я Ни на интересы производство наливать, у них свои интересы... Потребители!

Лида всхлипнула.

— Меня все скажанное не кажется, что оно интересно, оно связано с работой учиться не собираюсь. Я и интересоваться техникой поступаю. На вечернее отделение.

— О, значит, наша! — Начальник комбината широким жестом протянул Лиде руку. — Это мы меня обрадовали, из вас тоже дед...

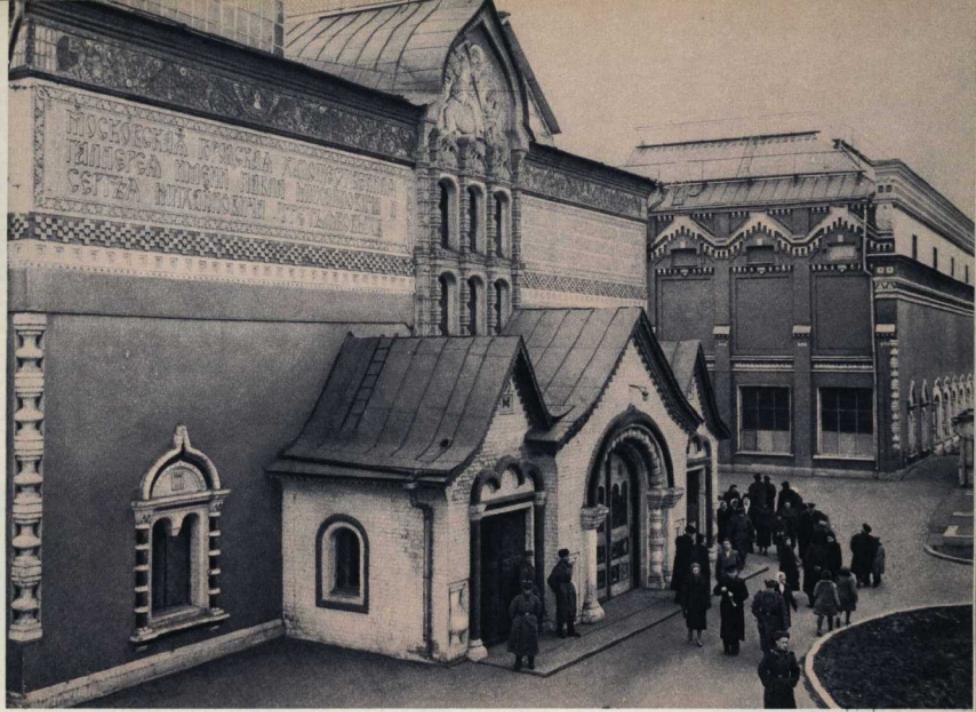
В комнате стояла тишина. За ширмой спала тетка. Лида уютно устроилась подле настольной лампы. Яркий свет ложился на бумагу круглым белым пятном. Лида писала:

«...Вчера получила письмо от мамы. Как всегда, упреки, упреки... Веря Любовью на втором курсе, Римма Гавйтова выпала замуж за инженера-ракетчика. Семья Соловьевых из Марий Эл устроилась тоже рабочей, катается, тоже сыр в масле... — и только я, имея аттестат зрелости, работая простой заводской работницей, делаю бог знает что... Ей стыдно людям в глаза смотреть, ей приходится краснеть, когда у знакомых задают разговор об мне.

А я не краснею, я представь. Идею о том, чтобы себя показать. Такая стала уверенная, самостоятельная... Я оказывается, умею лежать. Да, да, чувствуется себя вышитым из гнезда птенцом, думала, что пропаду, и вдруг, смотрю, ничего страшного не происходит, я дерхусь, я лечу — и огромный, огромный мир раскрывается мне на встречу. Он, Надя, подружка, как это хорошо! И перенесла мой поэтический берег на зору, то что будет сознать, что живу я хорошо, работой доволюсь, зарабатываю вполне прилично — больше тысячи в месяц.

Подала бумагу в здешний техникум на химическое отделение. Гавзиочкин меня упрекает за измени родному цеху, и в этом есть доля правды, но, видимо, слишком многое я ему рассказала. Не пару футболку купил. Тут все нужно解釋ить. И, взвесивши, я вижу: химия интересней. Поступаю сразу на третий курс. Работы не бросаю. Через два года буду специалистом.

С недавнего времени моя фотография стала красоваться на доске передовиков. Вот я какая!.. «...В комнате стояла тишина. Лида писала. Лампа освещала спокойное, задумчивое девичье лицо.

Государственная Третьяковская галерея.

Фото А. Моклецова.

СОКРОВИЩНИЦА РУССКОГО ИСКУССТВА

Ник. КРУЖКОВ

Трудно представить Москву без Третьяковской галереи. Кремль, Иван Великий, Царипушка, Василий Блаженный, Третьяковская галерея — все это такие черты Москвы, что исчезни хоть одна из них — и, кажется, изменился бы облик всего великого города.

Недаром каждый приезжий почитает непременным своим долгом, как бы он ни был занят, посетить Третьяковскую галерею, оглядеть ее сокровища, унести с собой — в Магадан или в Кострому, в Тюмень или в Азов — чувства восхищения русским искусством.

В этом году исполняется 100 лет существования Третьяковской галереи. В 1856 году Павел Михайлович Третьяков приобрел у петербургского художника Худакова картину «Стычка с финляндскими контрабандистами». Картина эта и сейчас висит в Третьяковской галерее, хотя она и не может быть причислена к шедеврам русской живописи. Но во-

ложено было начало галерее, и в это же значение.

Кто же такой был Павел Михайлович Третьяков?

Это был человек в высшей степени примечательный. Он все свои силы, всю страсть души свою, всю свою любовь отдал работе по собиранию картин русских художников. При этом он поставил перед собой благородную цель — создать галерею и передать ее городу Москве, народу. Еще в начале своей культурной деятельности, в 1860 году, Павел Михайлович составил завещательное письмо, в котором сообщил о желании устроить в Москве «художественный музей или картинную галерею».

«Для меня... — говорилось в этом завещании, — истинно и пламенно любящего живопись, не может быть лучшего желания, как положить начало общественному, всем доступному хранилищу изящных искусств, принесшего многим пользу, всем удовольствие...»

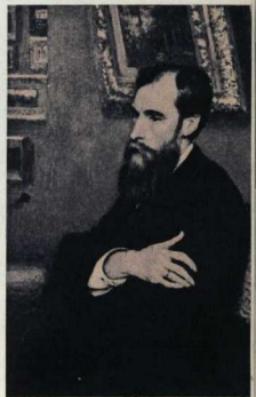
Павел Михайлович, после того

как им было написано завещание, прожил еще тридцать восемь лет и все эти годы отдал делу, которое считал смыслом своей жизни. В созданной им великолепной галерее были представлены все лучшие художники России. Миллионы рублей дал Третьяков свою бесценную коллекцию. За шесть лет до смерти он подарил ее Москве.

Среди богатого купечества России, к которому принадлежал и сам Третьяков, была распространена «собирательная страсть». Флор Федорович Прибылович у Остоженки, купец второй гильдии, собирал «вещи покунари, заморские диковинки». У А. М. Горького купец Прохор Храпов собирал коллекцию... старых замков. «Никто, — объяснял он, — замки не собирает, а я — собираю».

Были и культурные представители этого сословия старой Рос-

П. М. Третьяков.
Портрет работы И. Е. Репина.

В. И. Суриков — Голова мальчика в шапке.

В. М. Васнецов — В гостях.

В. Г. Перов — Наущница.

Рисунки на этих страницах взяты из фондов Третьяковской галереи

сни, которые также собирали картины, скульптуру и иные ценности. Однако между ними и Павлом Михайловичем Третьяковым существовали различия, что они видели в искусстве, защищали личную утху, забывали, а может быть, и способ использовать избыточные капиталы, в то время как Третьяков с самого начала своего предприятия поставил своей целью создать народный музей русской современной

«Посмотрите, какая судьба ждет самые значительные, самые капитальные создания нового русского искусства! Они большинству все же не нужны. Их нет ни в одном общественном собрании, и об этом никто никогда не тужил. Если бы не было этих трех — четырех чудаков с П. М. Третьяковым во главе, которые вздумали интересоваться новым русским искусством и любить его в такой

роя, в глухих мастерских, невидимых и неизвестных для всего нашего народа».

Конечно, Стасов в дружелюбном смысле употребил слово «чудаки», но ведь это выражение Третьякова. Такие чудаки — украшение мира. Тем более того мира, того времени, в котором жил и работал Третьяков.

Лучшее, что создано русскими художниками, сосредоточено в Третьяковской галерее. Павел Михайлович Третьяков — пламенный энтузиаст русской живописи — привнес в ее блестящий мир новые элементы, они обволакивались вокруг него, слетались в его галерю, как пчелы в родной улей... Репин, Крамской, Суриков, Верещагин, Шишкин, Саврасов, Перов, Ф. В. Васильев, Ге, Васнецов — да ведь одного из этих имен достаточно, чтобы прославить галерею. А тут целая могущественная плеяды!

Когда-то Павел Михайлович разделялся, что пошли народ смотреть картины, и отмечал: в 1881 году галерею посетило 8 368 человек; в 1885 — 28 749, в 1890 — 50 070 человек. В настоящем времени сотни тысяч ежегодно посещают Третьяковскую галерею. В 1955 году ее посетило свыше 1 миллиона 300 тысяч человек! Правда и честно русское ис-

кусство, за это и любят его народ!

Основной галереи, средоточием великого идейного направ-

В. А. Серов — Портрет Г. Л. Гиршман.

живописи, ознакомить народ с замечательными произведениями художников России.

Поступок Третьякова произвел очень сильное впечатление на всю культурную Россию. Это было луч среди темного общества!

Известный критик В. В. Стасов в статье «Тормозы нового русского искусства» с величим сожалением написал:

степени, что трятят десятки тысяч рублей на покупку новых русских картин и наполняют ими свою домашнюю, большинство этих картин, и если скромные, даже современные мастера, такие, как тот же Ильинский, создано Перовым, Репиным, Верещагиным и талантливейшими их товарищами, так бы и осталось на руках у своих авто-

А. К. Крамской — Крона дуба.

лений русской живописи являются картины так называемых «переводчиков». В их число и входят все лучшие художники старой России. Это были поистине гиганты! И каждый из них являлся в искус-

Н. Н. Крамская — Голова спящей женщины.

ство со своим, ему свойственным мощным голосом, неподражаемым на других и вместе с тем кровно с ним связанным, объединенное единой целью — служением народу.

«Я вчера и сегодня точно речи нынешней от картины Сурикова «Боярыня Морозова», — писал Третьяков.

Абрамский пальчик Ф. В. Васильев умерший 23 лет от чахотки, блеснула такими пейзажами, которые всегда вошли в историю нашего искусства.

Появление Верещагина с его туркестанской, индийской сериями, с его картинами, посвященными русско-турецкой войне 1877—1878 года, было подобно грому. «Перед мной, как перед художником, — писал Верещагин, — война. Ее было сколько у меня есть силы, или действительные мои удары это другой, вопрос, вопрос моего таланта, но я бью с размахом к без щады». Картины Верещагина — это не парадные батальные сцены, это протест против ужасов и страданий, какие несут с собой войны, это глубокая жизненная правда, это страстный и мучительный протест против войны!

Владимир Ретин, давший России «Абезию Грозного» и «Запорожцев», «Крестный ход» и «Че жадин», создавший десятки, сотни великолепных полотен, obstoитительно и полно представлен в галереях. Сама жизнь — бурным потоком льется с его картин; нет среди них ни одной, которая оставляла бы человека равнодушным.

Невозможно, немыслимо дать хотя бы краткое, белоголовое описание сокровищ, собранных в Третьяковской галерее. И невозможно составить о них впечатление после одного двух посещений!

Как ни много народу посетило и посещает Третьяковскую галерею, все же нельзя сказать, что ее видела вся наша страна. Но то, что вся страна от малого до великого знает о Третьякове, — это можно с полным правом утверждать! Миллионы репродукций, коийких картин галереи расшились по стране да и за границу. Вы их встретите в любом уголке нашей Родины: и на Чукотке, и в Закавказии, и в Мазепине, и в Туле, и в глухой деревне, и в тетради школьника, и буде лесника, и рабочем общеиздании, и в любом клубе, и всюду, где живет русский, советский человек!

Да разве только наши люди посещают галерею? Любой иностранный гость, кто бы он ни был, невременно пойдет в

В залах Государственной Третьяковской галереи.

Фото А. Мокледова.

славный «музей», по выражению Павла Михайловича. Без этого знакомства его с нашей страной будет неполным.

Павел Михайлович давно умер, но дело, заложенное им, живет, ширится, цветет! Все лучше, что дали русские и советские художники до и после революции, приобреталось галереей. И попасть в Третьяковку для художника — высшая честь.

В насташшее время это художественное здание мирового значения. В 1918 году Владимир Ильин Ленин, подписывая декрет о национализации галерей, присвоил ей название: «Государственная Третьяковская».

Тем самым увековечено имя ее основателя — одного из замеч-

ательных русских людей, память о котором неразрывно связана с историей нашей славной отечественной живописи.

В. М. Васнецов —
Добрый Никита.

Н. И. Левитан — Золотой пles (набросок).

Л. Демидов
1951-г

Весной 1901 года Петербург переживал тревожные дни. 17 марта на Казанской площади состоялась демонстрация против отправки студентов в солдаты. Утром в здании университета и студенческих залов, где собирались рабочие и студенты, были жестоко избиты царской полицией, имелись убитые. А вечером гастролировавший тогда в Петербурге Московский Художественный театр давал спектакль «Любовь Штокман», поставленный по пьесе норвежского драматурга Генрика Ибсена «Бранд народу». Постановка прозвучала весьма злободневно. Вниманию всех было приковано к доктору Штокману, роль которого исполнял К. С. Станиславский.

…Враг небольшого, недавно открывшегося курорта Штокман услых, что воля поступающая в мир и в народ, вспышки и опасна для здоровья больных. Он требует закрыть на время курорт, смеша выступает избранных чотов города и мещан-бывальшей, не желающих поступиться своим прибыльям.

Об этом представлении Станиславский вспоминал: «Виду начальных событий дня, театральный зал был до крайности возбужден и ликовал малейший намек на свободу, отжимался на вскак слово протеста Штокмана.

То и дело, и притом в самых неожиданных местах, среди действия раздавались взрывы тенденциозных рукоплесканий. Это был политический спектакль».

Пьеса прозвучала феноменально и была так горячо воспринята зрителями потому, что Станиславский сумел в образе Штокмана подчеркнуть главное: что страстью бывает любовь и несправедливость, его стремление к свободе.

Драмы Ибсена всегда находили горячий отклик у прогрессивных настроенных зрителей, так как все его произведения в той или иной мере пронизаны бунтарским духом, искренней любовью к человеку.

Своим замечательным искусством большого художника слова, глубокого мыслителя и суровым судом современного ему общества Ибсен пропагандил свою родину Норвегию, свой народ.

Творчество Генрика Ибсена складывалось в годы национально-освободительной борьбы норвежского народа за независимость от Швеции. Уроженец небольшого приморского города Шиене, скромный антилакский ученик, Ибсен всегда был на стороне прогрессивных демократов и национальных независимистов. Он посыпал свой талант драматурга развитию норвежской национальной культуры, развитию норвежского литературного языка. В 1851 году Ибсен — руководитель городского театра в Бергене, а с 1857 года по 1864 год он стоял во главе норвежского театра в Христианинне (теперь город Осло).

Будучи пионером норвежской драматургии, Ибсен обращался прежде всего к истории своей родины, к народному творчеству. Древние саги германской скандинавской и других языческих народов, об отважных героях, боровшихся за объединение и независимость Норвегии, оживали в произведениях Ибсена. Ибсен выступил пешком сильных, отважных людей, верных своим принципам, и не отступающих ни перед какими препятствиями. Утверждение целности и величия человеческого характера, мечта о героическом борце за свободу и счастье людей, о смелом бунтаре, не знающем компромиссов, прошла через все творчество Ибсена. Но уже в начале своего творческого пути он с горечью убедился, что его дерзкие мысли и стремления не находят отклика у «богатства современников». Культурный недоразвитый общественный быт в его пьесах сатирические, обличительные ноты. Не находили он поддержки и в борьбе за утверждение и развитие норвежского искусства. Все эти обстоятельства привели Ибсена к решению покинуть Норвегию. Впоследствии он с большой горечью вспоминал: «Все были против меня, так что я не видел ни одного постороннего человека, который бы понимал меня и верил мне».

Двадцать семь лет прожил Ибсен за границей, в Италии и в Германии. Но его творчество покорявшее было симпатии с родиной: там жили, думали, боролись и страдали герой его произведений.

«СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ— СОЗДАВАЕМОЕ ВСЕМИ!»

(К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ
ГЕНРИКА ИБСЕНА)

Ибсен всегда волновали вопросы жизненного призыва человека, его стремления и судьбы. Глубокое философское раздумье лежит в основах известных драм Ибсена «Бранд» и «Пер Гюнт». В образе Бранда, патолога-альбиноса, художник показывает, что в человеке, цельном и смелом, который беспредельно верен своему идеалу и долгу, Бранд отвергает каких бы то ни было компромиссы в борьбе с косностью, пошлостью окружающих его людей. Одинокий, замкнутый, не видящий конечной цели, Бранд гибнет. Прощая Бранду абстрактные и туманные рассуждения, зрители восхищаются силой его характера.

Пер Гюнт — полная противоположность Бранду. Ни первобытной, ни индивидуальной, он сам общается с людьми, разъясняет собеседникам неизвестными выдумками и забавными рассказами. Но у Пер Гюнта нет главного, что составляет величину человека: — у него нет цели в жизни. Бессхарактерный, эгоистичный человек, фантазер и лентяй, он сплющивается по жизни, не делая ничего полезного для людей. Его стремление — быть «всегда собой доволен», и ради этого, ради своего эгоистического погоня он готов на любые сделки с совестью.

Одна из трудной прямой дорогой, а стремится все препятствия «обогнать сторожкой». Он как «плутник, отпирая без узла»... Но не только в обличительной силе привлекает пьесы «Пер Гюнта».

Справедливо отрицательные черты своих современников, Ибсен постоянно думал о родине. Народные легенды, предания и песни, суровая природа Норвегии и душевная чистота ее простых людей были всегда источником вдохновения для писателя. Поэтому и драма «Пер Гюнт» озарена необыкновенной поэтичностью. В ней Ибсен создал замечательный образ деревенской девушки Сольвейт, через всю жизнь пронесшей великое чувство своей любви. Сольвейт относится к числу прекраснейших женских образов мировой литературы.

Сочетание философской группы мыслей, сатирического обличения с лиризмом создает неопоримое своеобразие «Пер Гюнта». Это хорошо почувствовала другой великий норвежец, композитор Эдвард Григ. «Я поюла Ваши наименования,— писал он Ибсена,— развеачивать Перса, разоблачая его пустоту, фразерство и ничтожедельние. Вы хотите показать, как выродились наши люди, как лживы их фразы и обещания, как бесстыдны их стремления и надежды...» Григ писал дальше, что его, как композитора, особенно привлекла другая сторона драмы — «любовь, верность, отчаяние, пределы воспитания, раздоры — одни из самых простых человеческих чувств». Эдвард Григ, вдохновленный Ибсеном, создал замечательную музыку, искусно используя все богатство и разнообразие народных мелодий.

Ибсен с горечью видел, что в Норвегии, как и в других странах, многие люди забыли о высоком человеческом достоинстве и долге, превратились в пошлых мещан, мечтавших только о наложне. Они опутали себя густой паутиной предрасудков, лжи и лицемерия. Ибсен написал ряд пьес, раскрывающих истинное лицо «столов общества». Среди этих пьес драма «Кукольный дом», вызвавшая много ожесточенных споров.

«Безоблачная и счастливая кажется сначала семейная жизнь героини драмы Норы Гельмер. Она беззаботно забывается с детьми, с ней ласков муж, неизменно снискходитый к своей «блохе». Но драматург постепенно раскрывает внутреннюю трагедию героини. Нора тяготится своим одиночеством, она чувствует, что муж относится к ней лишь как к любимой игрушке. Глубоко переживая свою трагедию, Нора приходит к трудному или же решительному изъятию из кукольного дома. И блекнувшись лицом, говорит Нора мужу: — мне кажется, я вела здесь самую жалкую жизнь... Я была здесь этой куколкой-женой, как дома у папы я была куколкой-дочкой».

Ибсен смело и решительно заявлял о человеческом достоинстве женщин. Высокое общественное звучание драмы создало ей огромную популярность. В наше время драма «Кукольный дом» («Норы») с большим успехом шла в Театре имени Ленинского комсомола.

Ибеновские драмы постоянно привлекали внимание русских писателей. Роль Ибсена пропонирована писателем В. Ф. Комиссаревской. М. Н. Ермолова воплотила в спектакле Малого театра трагический образ фури Альянинг («Привидения»).

Каждая пьеса Ибсена будила в людях чувство протеста. За бунтом его героев, всегда трагически одиноких, чувствовалась большая любовь к человеку, ненависть к мещанскому прозрению. Творчество Ибсена было одухотворено супротивной правдой, геронимом. Ибсен всегда отстаивал высокое общественное значение подлинного искусства. Он особенно ценил русскую литературу, в частности «Россию» одних из лучших писателей страны на земле, которые не любят свободу и приносят ей жертвы. Поэтому страна и стоит так высоко в позиции в искусстве. Ибсен в совершенстве владел мастерством художественного воплощения человеческих образов, он умел глубоко и тонко передать внутренний мир своих героев, заставить читателя или зрителя полюбить их или возненавидеть. Ибсен вошел в историю литературы как новатор драматургического искусства, вписавший значительную и яркую страницу в развитие норвежской и мировой драматургии.

Все прогрессивное человечество отмечает в этот год полутора со дня смерти великого норвежского драматурга Генрика Ибсена. В драме «Ромессорксль» устами одного из героев он ярко выразил свою заветную мечту будущем: «О, как радостно будет жить тогда! Никакой вражды, ожесточенной борьбы! Только благородное соревнование. Все взоры направлены на одну цель. Всех, умы всех устремлены вперед... ввыс... Каждый издет своим естественным, непреложным путем. Счастье для всех — создаваемое всеми!»

И. ЛИЛЕЕВА,
кандидат филологических наук.

«ЕСЛИ НЕ МЫ, ТО

КОМСОМОЛЬЦЫ МОЛОДЕЖЬ!

КО ВСЕМ ХУЛИГАНАМ И СКВЕРНОСОВАМ
МИЛИЦИОНЕРОВ НЕЛЬЗЯ ПРИКРЕПИТЬ
С ЧЕРНЫМ ДЕЛОМ И С ЧЕРНЫМ СЛОВОМ
КАЖДОМУ НАДО В БОЙ ВСТУПИТЬ!

Рукописный плакат, выпущенный комсомольцами Свердловска.

Свердловск — город заводов. В нем живут трудящиеся, рабочие, милиционеры, инженеры, науки, спасатели, славы и слава города. Но в семье не без урода. Попадаются и такие, которым ничего не стоит запачкать чистое, уинить высокое. Перед слабыми и робкими они наглают, перед смелыми трутся сами. Этими смелыми людьми оказались комсомольцы Свердловска, организовавшие борьбу против нарушителей общественного порядка. Не случайно, что именно здесь родилась и полетела по стране легенда о комсомольских суворовцах, которых называли «хулиганами». Их не боялись хулиганы и вышли победителям! Об эти события рассказывают по-разному. Одни говорят, что он защищал честь любой девушки, другие утверждают, что это была посторонняя женщина, к которой приставали подвыпившие парни. Борьба будто бы произошла в трамвае и закончилась тем, что один из хулиганов был убит. Говорят, что суворова судили и наказали, но молодежь города подняла голос в защиту храброго товарища, его оправдали.

Мы увидеть встретившегося героям этой легенды. Люди, которым надлежало бы знать о нем, только пожимали плечами:

— Нет у нас такого. Комсомольские патрули есть, но такого такого не было.

— Но ведь об этом тоже пишут в газете!

Один из товарищей обяснял:

— Говорят, потому что всем хочется, чтобы такой герой был. Вероятно, суворову приписывают то, что делают наши комсомольские патрули.

После мифического суворовца наибольшей славой борцов с хулиганами в Свердловске пользуются студенты Горного института.

В комсомольском комитете, откуда патрули по вечерам уходят в комитет по улицам города, я рассказал историю про героя, блестящий портала, а ветеран художественной деревни со знакомым написанным Горного института Тамара Арзамасову. К моему удивлению, она окказалась руководителем «боевых» операций патрулей. Заметив мой недоумевший взгляд, она извинилась:

— У нас матрона-харах!

Пока мы с Тамарой разговаривали о минувших рейдах, в комитет заглянуло несколько человек.

— Доброй ночи в операции! — обратился к нам Тамара. — Сейчас должны подойти руководители патрулей Борис Харьков и Вячеслав Судебин.

В это время дверь отворилась, и вошел Борис Харьков. Он приглядел к сидевшим, поправил очки и поздоровался со всеми за руку. Когда в комитете появился фотограф патруля и сообщил, что достал десять пленок, Борис заметил:

— Аппаратов надо брати поменьше... А то в прошлый раз на фотограф попал в рукопашную и получила по лицу синяк «ФЭД».

— А зачем вам аппараты? — спросила я.

— Как зачем? Снимать! После каждого рейда выходит городская газета с фотографиями нарушителей порядка, с карикатурами на хулиганов и сквиркулятов.

В комитете с шумом вошел высокий крупнолицый юноша в черной, но по росту короткой шинели. Сожав моя ладонь огромной ручищей, он представился:

— Судебин...

Он мгновенно сделал склон и уверенность. Он небрежным жестом бросил на стол полевую сумку, набитую книгами и тетрадями, тронул ладонью склонявшуюся под складку светлые волосы и веско заявил:

— События развиваются!

Судебин живет за городом, ездит в институт на автобусе. Кондукторы этой линии часто жаловались на грубые выходки какой-то группы развязных молодых людей, беспокойных пассажиров. Горком комсомола поручил Судебину организовать патруль на этой автобусной линии. После этого патруль на заводе и обратно превратился для него в боевую работу. По-

являясь в институте, он охотно рассказывал о своих стычках с дебоширами.

У хулиганов, как правило, есть оружие: шашки, кинжалы и комки электрической проводки, сома-дарты, только кухни. В критическую минуту они имеют право ими воспользоваться. Однажды комсомольский патруль заметил группу хулиганов, вооруженных холодным оружием. Двух удалось задержать, остальных отпустили. Задержанных повели в штаб, а Судебин во главе части патруля начал преследование отступников. Преимущество в силе было явно на стороне хулиганов. На одной из пустынных, затемненных улиц они ворвались в остановку!

— Эй, длинный, мы тебя заметили!..

— А и не прячусь! — крикнул Судебин.

— Тогда пиши завещание! —
— Не обратитесь, если вам достанутся мои кулачки!

Дальше обмена любезностями не пошло: хулиганы скрылись перед комсомольцами. Сам Вячеслав угрозе не придал значения, но в комитете комсомола забеспокоились и запретили ему участвовать в очередных рейдах. Однако Вячеслав не отступил, а потом снова стал во главе патруля.

У меня на эту работу есть своя точка зрения, — сказала он мне, косясь на Бориса Харькова. — Я считаю, что агитацией с хулиганами ничего не сделашь.

— Люди не рождаются хулиганами...

— Ты, Борис, помоги! Дай мне высказаться.

— Хорошо, высказывайся.

— Так, — сказал Судебин, — рубанула ладонью воздух. Был у меня такой случай. Задержали мы одного субъекта. В свой штаб вести его далеко, а тут ребята связались с штабом другой организации. Повели туда. Приходил и видим такую «психологическую» сценку: девушка горячо толкнет пьяного хулигана с высокими истинами социалистической морали, пытаясь пройтись в нем благородными чувствами, а этот молчаник смотрит на нее наглыми глазами и сквернословит. Он изображает из себя склеротичного коммунистического гопника, выкрикивая статьи советских законов, на которых его якобы не полагается трахогибать. Девушка успокаивает хулигана, подносит ему воду. Он берет руку по стакану, стакан летит на пол... Слушал я, слушал, смотрел, смотрел, а потом подошел к нему, взял за грудки, трихнул его и сказал: «Подиуми! Подиум, как милениум, да еще извиняйся началь. Вот тебе, Борис, и агитация!»

Приведенный пример Харькова не убедил. Должно быть, этот спор был между ними не первый раз.

— В данном случае ты, пожалуй, прав, —

Комсомольцы Свердловска регулярно выпускают общегородскую сатирическую газету «Комсомольским огонькам». Эта газета — острое и грозное оружие в борьбе с хулиганством. Рисунки, фотографии и подписи к ним бичуют нарушителей общественного порядка.

КТО ЖЕ?»

начал он в раздумье,—но это частность, на которой нельзя строить большую политику. Агитировать кулиганов, конечно, трудно. С ними надо бороться по-твоему...

— Наконец-то понял! — обрадовался Судьбин.

— Не торопись с выводами,— заметил Борис,— не горячись. По моему твердому убеждению, мы сейчас делаем только подделку, потому что не занимаемся профилактикой. На примерах нашей борьбы можно очень хорошо агитировать. После каждого рейда нам нужно идти в предыдущий город и собирать на него пачки на суд молодежи. Одной городской газеты тут мало. Кстати, мы боремся с явными нарушителями порядка. А разве только в них дело? Зайдите на почтамт. Каждый вечер там собирается много молодых людей. Они как будто и ведут себя нормально, но приглядитесь внимательнее. На лестнице почтамта есть многоизначительная ступенька: встанет на нее девушка — и ясно, что она ищет знакомства...

— Доберемся и до этой ступеньки!..

— Добраться можно, труднее не допустить до нее...

Не люблю философствовать,— заметил Судьбин.— Считаю, что философ достаточно объяснил мир, а нам пора уже практическим переделывать...

* * *

Очередной рейд комсомольских патрулей был назначен на воскресный день. Сбор в весенних часах зевак в одной из аудиторий института...

Пришло около сорока человек, из которых были сформированы две группы под руководством Судьбина и Харькова. Патрули должны отправиться в Ленинский район — на улицы Вайтерса, Малышева и 8 марта.

На город опустились сумерки. Подобно белым искоркам, падали весенние снежинки. Комсомольцы выходили из ворот института. К приходившим к одному из патрулей, которые направлялись к большому «Гастроному», Кошка проходили мимо пельменной, от группы отделился один комсомолец. Вскоре он вернулся...

— Что-нибудь есть? — спросила Тамара.

— Есть. Старикашка, пынница, выпрашивает в пельменной на выпивку. Говорят, что стоит уже два часа...

— Принесли пынчишку в штаб для беседы, — кинул Вильям одному из ребят.

Между стеклянными дверями «Гастронома» кучка людей. В центре — бойкая женщина, низенькая, худая, лет тридцати пяти. Заметив нас, она торопливо затянулась в кошельке какие-то вещи.

— Минутку, гражданин! — обращается к ней Судьбин. — Разрешите поболтывать, чтобы вы здесь сконцентрировались...

— Какая же сконцентрика! Ха-ха, нашла сконцентрику! — закричала женщина, стараясь под шумок передать сумку подруге, видимо, еще неопытной в таких делах. Когда та взяла сумку, ребята пригласили с собой и ее.

— Куда же вас ведет? — не унималась сконцентрика.

— В наш комсомольский штаб.

— Нет у вас таких правов...

— Нет, есть!

— Кто вам их дал?

— А те, которых вы обманываете, на ком наживаются!

...В комнатке, занимаемой штабом, было тепло. За столом сидел член факультетского бюро Лукас Вильмар, необычайно веселый и спокойный. Рядом с ним около телефона заняла место Тамара. Лукас должен был выяснить имена и адреса тех, кто, по его мнению, Тамара — проводил их в приемном столе.

Как же это мы, панаха, дошли до такой жизни?.. Сын у вас комсомолец, дочка комсомолка, а вы их позорите, кланяйтесь на водку? — спрашивал Лукас пынченко старичка, приведенного из пельменной.

У свежего номера стенгазеты всегда многоголосно.

— Правильно, правильно, детки! Виноват!.. Не дай бог, если они узнают!

Во время этого разговора в комнату с шумом вошел один из сопровождения комсомольцев сконцентрика. Она кричала, требуя, чтобы ее отпустили домой:

— Меня грустной ребенок ждет!

Пожалуй, это фотоубийство заставит кое-кого задуматься...

Фраза, как и рассчитывала «кормящая матерь», возмозгла действие. Отпустив старика, Лукас занесся ей. На столе уже стояла злоолучная кошелька.

— Садитесь!

— Мне сидеть некогда! У меня ребенок!

— Мы вас не задержим. Скажите нам ваше имя и адрес.

— На что это вам? Ну, Мария... Ну, Волкова...

Прорызали в адресном столе — лежт. Мария Волкова сменила еще две фамилии, называла еще два адреса и наконец сдалась. Она оказалась Мотынкой Марии Николаевной. Никакого ребенка у нее не было. Сконцентрику фотографировали для газеты.

Своеобразный комсомольский патруль приводил в свой штаб тех, которых, и грубыми, оскорбительными словами, то помечтал, то изображал, увидевший в кинотеатре билеты по двойной цене. Все они вели себя по-разному: одни признавали свои ошибки, другие хорохорились, шумели: «Не вмешивайтесь в свое дело!»

В десятом часу в комнату ворвался возбужденный Судьбин и бросил на стол косо заточенную стамеску.

— Вот с чем, подлецы, ходят!

— Не первичная!

За дверью послышался шум. Привели ненавистного. Этот хулиган в трамвае.

— Не имеете права! — кричал он. — Буду жаловаться!

Он начал изобличать все советские законы и теперь ссыпал ими неуже прокурора. Одет он был прилично. Из-под меховой шапки выглядывал косой чубчик, глаза смотрели то вызывающе-нагло, то беспокойно. Около него стоял студент горномеханического факультета Юрий Шкупов со шпагоном на левой щеке, полученным однажды в стычке с хулиганами. Куколка была такая. Вагоне трамвая пыльный хулиган приводил в движение девушки. Юрий к ней подступил. Тогда пыльная хулиганка бросилась на него. Юрий поддержал. Вдруг чужие руки схватили нервными, кулигами притворно успокоили, даже заговорили с Шкуповым. Но вдруг он взмахнул рукой — и Юрий почувствовал острую боль...

Теперь перед Шкуповым стоял нарушитель с такими же повадками. Накричавши, он, как и тот притворно успокоился. Тогда Юрий с необыкновенной быстротой запустил руку в его карман и вытащил длинное шило, завернутое в бумагу.

— С цинком ходишь, подлец!

Никакого шила у меня не было!

— А это что? — Юрий развернулся и бросил бумагу, не обратив внимания на то, что она была испачкана. Оказалось, что шило было завернуто в сентиментально-плакучие стихи.

Хулиганы, как правило, предусмотрительны. Они обычно не берут с собой никаких документов. Владелец пынчиши оказался, видимо, не очень «западлен» в кармане у него находился членский билет спортивного общества на имя Виталия Кузнецова. Больше в штабе не узили его и тем ничего. Сфотографировав «шилоносца», его отправили в милицию.

Мне, наблюдавшему за работой штаба, все больше и больше нравился Лукас Вильмар. Не в пример шумному Судьбину, он со всеми был скрежет, порой участлив. Он умеет вызывать людей на откровенность.

— Как вы себя чувствуете после рейда? — спросил я его.

— Почему некоторо?.. Конечно, не очень-то приятно видеть с пынчиши и хулиганами.

Но если не мы, то кто же?

Утром, когда я увидел тружеников большого рабочего города, спешивших на работу, мне показалось, что город стал чище, а люди радостнее.

Федор ВАСИЛЬЕВ

Фото автора.

— И кризиса пока нет.

— И никто никогда не утверждает, что он уже есть...

— Мы знаем, что вы там, в СССР, как в чем обогнали нас... Ладно, ладно, мы не вымываем тайны в самой себе. Но вот эти люди и правительство кое что способы, держатся...

Мы и сами видели, что держатся, и, поскольку держатся, значит, кое на что способны. Но мы не стали залезать в дебри спора и заниматься прогнозами, а вышли на веранду, чтобы полюбоваться на то, как багровое закатное солнце всткивается в синее ущелье по ту сторону залива Золотых ворот. На мгновение могли даже показаться, что раскаленный диск солнца расплывчат чистые горы и они становятся вдруг какими-то потемневшими водой. Но никакой венецианской катастрофы не случилось, солнце село, как ему положено, и над городом потянуло скежим ветерком с океана. Мы вернулись в небольшой зал и отмыскали хозяина, с которым вели разговор перед этим.

— А вы знаете, — сказали мы ему, — сегодня мы встретили мексиканцев, которые ехали на машине на фермы для уборки урожая? Не очень в них цветущий вид!

Мы действительно не раз встречали мексиканцев — и в пути и на фермах, — и были они изнайдены одеты, и не читались на их лицах, что дорвались они до счастья, а было обмыкновенное для такого рода рабочих выражение усталости и изобличенности.

— О, да! — охотно согласился наш собеседник. — У них там очень много босых. Плохо живут, белые. Наша фермеры дают им возможность заработать, наимают сезонно...

— Получается, как у пуританцев в Нью-Йорке...

— Нет, что вы! — не согласился американец. — У пуританцев еще хуже. Прямо-таки родственная инцест. Они покидают свою страну и бегут в Нью-Йорк без конца и девятки в лохмотах, не зная языка. Несмотря на то, что целые годы мучаются они, пытаются изгнанство тем и потому где придется, пока не приспособятся к какой-либо работе и не осаждут на место. Собственно, все это следовало бы запретить: у нас хоть и немного, но есть свои безработные.

«Немного» — около четырех миллионов. Некоторые страны с таким населением имеют свое представительство в ООН...

Пуританец, но у мексиканцев и пуританцев на родине тоже капитализм!..

Наш собеседник смущался, пристально и с некоторым укором оглядывал нас и сказал:

— Да, вы сделали сильный ход... Хороший удар по воротам! Но давайте об этом не говорить, а пригодится слишком далеко забираться...

Далеко забираться в данных условиях не имело смысла. Но и удачных тем не теряли. В США высокий уровень жизни, в зарубежных пристоях Южной Америки, где современериканская капиталяется решимостью, миллионы людей находят работы, бедствуют, остаются на всю жизнь неграмотными, спасаясь от голодной смерти, покидают родину... подумать об этом следовало и нам и нашим американским оппонентам. Всегда не вредно уяснить, почему один едет в автомобиль, а другой идет босиком по пыльной проселочной дороге с котомкой за спиной...

«Земля Диснея»

— Господа, мы проаем сейчас в очень интересное место, — сказали нам Н. Грибачев. «Семеро в Америке», история которой будет выпущена издательством «Библиотека писателя».

— Мы видим скосяк, те деревни, через дупла которых проезжают на грузовиках?

— Нет.

— Индейские резервации?

— Нет.

— Что ж это, дырка в земном шаре, сквозь которую американцы подсматривают за европейскими делиями?..

— Нет.
...Столпа хорошая, теплая погода, светило солнце. Год назад нас принял, у Лион Фейхтванга мы побывали, и настроение у нас было самое благодушное. Разъезжаясь, мы строили предположения одно невероятнее другого. Провожатые наши посыпались, но не спешали с разъяснениями. Наконец они сказались:

— Мы едем, господа, в такое место, где все взрослые становятся детьми... Да, да, все становятся ребятами!

Конка для детей в парке Дисней.

Николай ГРИБАЧЕВ

СЕМЕРО В АМЕРИКЕ

Осенью прошлого года группа советских журналистов посетила Соединенные Штаты Америки. Их интересы, интересы учредили они в городах и поселках Нового Света и рассказали со-

Не будем об этом говорить

Мы знали, что едем в страну капиталистическую. Наши американские хозяева знали, что мы едем к ним из страны социалистической. Мы знали, что Америка, более ста лет не знавшая войны на своей территории, — страна богатых и в техническом отношении высокоразвитая, но что в тоже самое время экономика этой страны опасно напряжена и силу непримиримых противоречий. Американцы знали, что мы едем из страны в страну за короткий период достигнуты исключительные успехи во всех областях, из страны, которая после революции с одного из предпоследних мест в мире шагнула на одно из первых, но в которой есть свою трудность: свои не с налетом решаемые проблемы... Так как мы и хозяева все это знали, то они и не шли никогда в прямую атаку на систему, которую мы представляли, а мы не занимались критикой, в которой они все равно ничего бы не поняли. Однакоже, когда два различных

идеологических лагеря встречаются и ведут длинные беседы поверх границы, которая их разделяет, всегда немизбеск некоторые действия развязывающего характера. Одно из таких действий со стороны хозяев и было предпринято, когда батарея конкетной уже изрядно расшатанной жесткую конструкцию официального приема. Происходило это в Сан-Франциско, — темный вечер в сентябре, в архиве на Южной Америке, съехавшемся сюда на какую-то конференцию.

Вы уже успели кое-что увидеть в Америке, — сказали нам. — Верно, что в Америке довольно высокий уровень жизни?

— У всех?

— Ну в среднем...

— В среднем высокий... Если все миллиарды, все дома и все творческие люди поделить примерно поровну...

— И автомобилей много.

— Да, и автомобилей много. Это давно и всем известно.

— Кемки?

— Рыбаки... Кому как повезет! — В таком случае — мечтательно заметил Виктор Полторацкий — я хотел бы почувствовать себя в материальной колыбели... Начинать, так уж с самого начала! Можно?

— Можно, там все можно... Посмотрим!

— Но что же это такое все-таки?

— Земля Диснея...

В самом деле, рассказ о Лос-Анджелесе был бы полон, если бы не упомянуть о «Земле Диснея». Это не вновь открытый остров в Тихом океане, не подземелья с живой и мертвой водой и не пещера лягушек Алладина, породившая легенды о сокровищах и потерянных сокровищах едва ли от Лос-Анджелеса. Но город этот не похож ни на какой другой в мире. К нему ведут неширокая асфальтовая дорога, по сторонам которой, как и всюду, дыбятся разноцветный лес реклам. И рекламируют здесь тоже решительно все, от автомобилей «Шевроле» до сосок и пуговиц, но среди щитов попадаются и одни, которое не встречаешь в другом месте, с единственным словом — «Диснейленд». Сюда, кабы не от Лос-Анджелеса, подспоркой этому шоу служат обмыкающие столбы, а затем их роль начинают исполнять живые люди в яркой униформе. Стоят они, прищурясь, так же недвижимо, как обмыкающие столбы... — в этом и заключается специфика их «бизнеса»...

Много, как поется в нашей песне, «разного и всякого» повидали мы во время путешествия, ко многому, во всяком случае, в тот момент, приходилось формулировать свое отношение известной пословице: «Не на шутку». Действительно. Но никогда с зажигательной рекламой я всегда испытывала чувство смущения и раздражения — смущение оттого, что было жалко капитана, который наивероятно способен был более осмысленными действиями, раздражение против тех, кто превращает человека в безмозгловую принадлежность торговли. Милионными тиражами выходят американские газеты, набитые, что называется, по самую завязку рекламными объявлениями, на узких полосах там, где публикуются прямые, крутятся и кувыкаются разноцветные электричества, зазмыза и замазана каждого прохожего засты и купиной то и то-то, реактивные самолеты пишут в небе дымом названия фирм и марки изделий. Кажется, что еще жечется, о чём еще мечтать? И вот человек, исполнющий всевозможный род придорожного столба, на котором крепится разлезаемый скрип фонаря...

Что же это «образ жизни», который топчет в человеке все честолюбие?

Машинка скворчается с дороги в чистое поле и через некоторое время останавливается на широкой площади с многочисленными надписями: «Паркинг — «Стопинг-ка». Это уже аллея Диснея, его земля, его город, его дерево... В сущности, городок Дисней начался с голливудского принципа сохранения старых декораций, но здесь он расширен на новой основе, чтобы убивать двух зайцев сразу — сохранять декорации для съемок, одновременно получая от этого доход.

Дисней известен рисованными фильмами «Три поросенка», «Пиноккио» и множеством других. В последние времена он поставил

общенную картину по роману Жюля Верна «Плавдат», таинственное название которой я забыла. Мы смотрели эту картину в Париже на пути в Америку. Ей довольно точно выражена сюжет романа, за исключением концовки, в которой показывается атомный завод и смерть капитана Немо от пули. Впечатляют машины «Наутилус», бой с гигантским осьминогом во время бури, хороший цвет...

Все это нашло свое отражение в строительстве города.

Его границами служат земляной вал, по которому движутся детские поезда, как пассажирские, так и товарные. Две из них подняты на высоту, вращаются, разбегаются в стороны улицами старинных городков различных штатов Америки. По этим улицам проходят роллы и движутся конки; вывески и витрины магазинов выглядят так, словно они перенесены из прошлого века; на углы стоят полицейские в старинной форме. Есть здесь полицейские участки, аптеки, закусочные. На небольшом искусственном озере стоит у причала пароход «Марк Твен», построенный из деревянных труб и отмычками кордесами. Можно тут осмотреть дворец, построенный в полном соответствии с фильмом «Белоснежка и семья гномов», покататься на лодочках по воздуху слонам, проплывать в картах всех времен и фасонов, повиснуть от удовольствия, усевшись в большую посуду, похожую на чайную чашку, которая кружится вокруг собственной оси иносится по площадкам среди других чашек, которые, кажется, неминуемо должны столкнуться и разделаться вдребезги.

По магистрали каналам ходят пр прогулочные катера, а с берегов, на которых растут пальмы и нанимаются джунгли Конго, доносятся риканье львов, разноголосый звон зверей и крик птиц — это через репродукторы, установленные в «зарослях», передается магнитофонная запись. И дети, пассажиры катеров, ежатся от страха и замирают от удовольствия...

Были мы и в павильоне с декорацией из киноленты «Девять тысяч лет впереди». Там из огромного круглого окна кабинета капитана Немо можно смотреть в подводные глубины, там за стеклом, в таинственном морском сумраке, лязгает клювом и покачивает шупальцами гигантский осьминог, стоят макеты атомного двигателя «Наутилус» и сам корабль с драконом гребнем и выпуклыми, похожими на два огромных глаза иллюминаторами впереди. В седемнадцатом демонстрируется плавание Титаника, а за окном, кругу в огромном шаре, идет погоня комиков, отдаются последние распорыния, и наружу спешит начиняется драка, возникает рея, и на круглом экране вспыхивает огненный хвост ракеты, возникает постепенно уменьшающаяся Земля. Затем свет внизу гаснет, а на втором таком же экране не вверху возникает и растет на глазах Луна... Устроено все это просто: на два экрана сплюснуто сверху демонстрируется в цветных кинопленках. Это явно, во-первых, остроумно задумано и устроено, и ребятам оно доставляет огромное удовольствие. А перед входом в этот павильон стоят окраинный в белый и красный цвет макет межпланетного снаряда...

— Ну как, господа, чувствуете

Пароход «Марк Твен» у причала в парке Дисней.

что превращается в детей? — спрашивали наши провожающие.

— Чувствуем, — ответил Анатолий Смирнов, — уже хочу домой, папа и мама...

О нет, вам еще нужно пообедать в детском ресторане!

— А то, там кормят с помощью соков?

— Увидите...

В ресторане под металлическими раскрашенными грибками корчили обмыкающими «стейблами» — бифштексами из мороженого мяса, — но вилки и ножи были необычайными — из пластика. Мы с недоверием брали мясо в руки. Мы с удовольствием ели мясо и ножи, мгновенно гадая, каким образом можно разрезать бифштекс с помощью этого прозрачного пластмассового инструмента. А оказалось, что нож режет, и режет хорошо благодаря тому, что кончик его острий, иззубрен в виде пильки. Мясо пересывать можно, а палец — нет, в этом и состоит остроумное решение проблемы!..

Несомненность в устройстве этого парка-города, ее заманчивость и аттракционность «занавешивала» сюда большое количество детей и взрослых. Довольно дорогое входные билеты: два рубля в переводе на наши деньги с ребенка и четырьмя

ре — со взрослого; и плата за все аттракционы, доходы от ресторана, кафе, магазинов игрушек и сувениров, от угощений, от продажи сувенирных барышни. Но при всем том нельзя не почувствовать уважения к изобретательности и богатой творческой выдумке блестящего художника Диснея.

Но есть здесь один «аттракцион», который оставляет щемящее чувство горечи за ухищренное человеческое достоинство совершенно не виждется с представлением о Диснеевской парке. В одном из уголков парка, вдалеке и белом, стоял павильон — построенный шарами индейские шалаша, — и атлетического сложения индейец по имени Падаоза звезды, в пышной юбке племени, с утра до вечера показывает себя артистам и быть в воинский барабан. Вместе с ними в качестве экспоната здесь живут его жена и дети. И глухие, однобокоые удары барабана, прызывающие, когда-то племя на «тропинки войны», звучат теперь здесь, как тоскликая песня про «войну на могиле солдат, павших, бывших коренных жителей Америки».

Это обстоятельство и помешало нам почувствовать себя детьми. Наверное, для этого нужно все-таки быть американцем...

Куда идешь, молодой человек?

Эту небольшую главу можно, пожалуй, изложить в форме монолога одного молодого американца, человека умного и интеллигентного. Разговор протекал в долгой беседе с приятелем, жившим около трех тысяч метров, когда он, сидя винзу, то закрывалась белым пологом облаков, словно отсалась саником пристального внимания, то, передумав, приоткрывала бор-

довый наряд осени и голубые, зеленые или серые глаза небольших озер. Ветер маг и глядел травы, поддергивая рабью воду — пейзаж под нами был не из веселых. Не слишком оживлен был и молодой приятелем: он говорил и поглядывал на склоны, словно сверяя правильность сюжетов мыслей с жизнью внизу, хорошо видимой отсюда только ему самому...

— Какими?
— Разными... Кому как повезет!
— В таком случае,—мечтательно заметил Виктор Польторашкин, я хотела бы попасть в Америку, там таких колбасы... Начинай, так уж с самого начала! Можно?

— Можно, там все можно... Помоги!

— Но что же это такое все-таки?

— Земля Дисней...

В самом деле, рассказ о Лос-Анджелесе был бы не полон, если бы не упомянул о «Земле Диснея». Это не вновь открытый остров в Тихом океане, не подземелье с живой и мертвый водой и не пещера с лампами Алладина, а город минутах в тридцати езды от Лос-Анджелеса. Но говорят, что этот город не на земле другой в мире. К нему ведет неширокая асфальтовая дорога, по сторонам которой, как и сквозь, дыбаются разноцветный лес реклам. И рекламируют здесь тоже решительно все, от автомобилей «Шевроле» до сосок и пуговиц; не среди щитов попадается и один, которого не встретишь в другом месте, с единственным словом — «Диснейленд». Сначала, близи от Лос-Анджелеса, эти щиты выглядят обஇნ்தியன்-столбы, а затем их роли начинают исполнять живые люди в яркой униформе. Стоят они, нпрочем, так же недвижимо, как обஇங்கள்-столбы... — в этом и заключается специфика их «бизнеса»...

Много, как поется в нашей песне, «разного и всякого» попадали мы во время путешествия, ко многому, во всяком случае, в тот момент, приходилось формулировать свое отношение известной пословице: «Ни разу, во, не нам было!». Но и в «встрече с разной жизнью» всегда испытывал чувство суммации и раздражения — смущение оттого, что было жалко человека, который наверняка способен на более осмысленные дела, раздражение против тех, кто превращает человека в безмолвную принадлежность торговли. Милионными тиражами выходит американские газеты, набитые, что называется, из головных новостей, разрывками объявлений, по узким улицам города, вечно прятавшимся за деревьями, кувыркается разноцветное электричество, зазывает и заманивает каждого прохожего зайти и купить то и то-то, то-то, рекламные самолеты пишут в небе дылым называния фирм и марки изделий. Кажется, чего еще ждать, о чём еще мечтать? И вот человек, исполнющий величаво-герою роль придорожного столба, на котором крепится разваленная кукла фонаря...

Что же это за «образ жизни», который топчет в человеке все человеческие ценности?

Мышка сорвивается с дороги в чистое поле и через некоторое время останавливается на широкой площади с многочисленными надписями: «Паркинг — «Стоянка». Это уже аллея Диснея, его земля, его город, его дело... В сущности, городок Дисней начался с голливудского принципа сохранения старых декораций, но здесь он расширен на новый основе, чтобы убивать двух зайцев сразу — сохранять декорации для съемок, одновременно получать от этого доходы.

Дисней известен рисованным фильмам «Три поросенка», «Ли-воклю» и множеством других. В последнее время он поставил

обычную картину по роману Жюля Верна «Двадцать тысяч ли под водой». Мы смотрели эту картину в Париже на пути в Америку. В Париже я не знал, что выдающимся может роман, за исключением концовки, в которой показывается атомный завод и смерть капитана Немо от пули. Впечатляют маневры «Наутилуса», бой с гигантским осьминогом во время бури, хороший цвет...

Все это нашло свое отражение и в строительстве города.

Его границами служат земляной вал, по которому движутся детские поезда, как пассажирские, так и товарные. Дальше от плоскости, на которой начали разбрасывать в стороны улицы симпатичных городков различных штатов Америки. По этим улицам проположены рельсы и движущиеся конки; вывески и витрины магазинов выглядят так, словно они перенесены сюда из прошлого века; на углах стоят полицейские в старинной форме. Есть здесь полицейские участки, аптеки, закусочные. На небольшом искусственном озере стоит у причала пароход «Марк Твен» с драмой до смерти, горящими юбками, огромными коксами. Можно тут осмотреть дворец, построенный в полном соответствии с фильмом «Белоснежка и семья гномов», покататься на лодках по воздуху слонам, проехаться в каретах всех времен и фасонов, повозжать от удовольствия, усевшись в большущее подобие чайной чашки, которая крутится вокруг собственной оси иносится по площадкам среди других чайных, которые, кажется, неизменно пытаются опуститься и разделаться вдребезги.

По плавучим каналам ходят прозрачные катера, а с берегов, на которых растут пальмы и имитируются джунгли Конго, доносятся рикша-львы, разноголосый вайзер и крик птиц — это через репродукторы, установленные в «эраролях», передается магнитофонная запись. И дети, пассажиры катеров, ежатся от страха и замирают от удовольствия.

Мы были в плавучем сафари-парке из картины «Двадцать тысяч ли под водой». Там из огромного круглого окна кабинета капитана Немо можно смотреть в подводные глубины, там за стеклом, в таинственном морском сумраке, лязгает клювом и покачивает щупальцами гигантский осьминог, стоят макеты атомного двигателя «Наутилуса» и сам корабль с драконом гребнем и выдуманными, похожими на два огромных глаза иллюминаторами.

В седине плавучего демонстрационного парка — Путу — зрители сидят по кругу в огромном шаре, где погрекли команда, отдаются последние распоряжения, и вдруг спираль начинает дрожать, возникает рев, и на круглом экране вспыхивает огненный хвост ракеты, появляется постепенно уменьшающаяся Земля. Затем свет внизу гаснет, а на втором таком же экране не вверху возникает и расрастается изображение Луны... Устроено это просто: на две экраны снизу и сверху одновременно подаются цветные киноплёнки. Это кино, но кино, остроумно задуманное и устроенное, и ребятам оно должно сказать огромное удовольствие. А перед входом в этот павильон стоят окраинный в белый и красный цвет макет межпланетного снаряда...

— Ну как, господа, чувствуете

Пароход «Марк Твен» у причала в парке Дисней.

что превращается в детей? — спрашивают наши провожатые.

— Чувствуем, —ствет Анатолий Григорьевич. — Да, я хочу домой, к папе и маме...

О нет, вам еще нужно пообедать в детском ресторане!

— А я, там кормят с помощью скоски?

— Увидите...

В ресторане под металлическими раскрашенными грибками корчили «обஇங்கள்-столбы» — бифштексами из мороженого мяса, — но вилки и ножи были из пластика и силиконовых насадок. Мы с Анатолием брали в руки маленькие, излученные вилки и ножи, мечтательно гадая, каким образом можно разрезать бифштекс с помощью этого прозрачного пластмассового инструмента. А оказалось, что нож режет, и режет хорошо, благодаря тому, что кончик его острия избура в виде пильки. Мясо пересыпать можно, но палец — нет, в этом и состоит остроумное решение проблемы.

Небольшость в устройстве этого парка-городка, это плавильны и аттракционы привлекают сюда большое количество детей и взрослых. Довольно дорогое входные билеты: два рубля в переводе на наши деньги с ребенком и четы-

ре — со взрослого; и взата за все аттракционы, доходы от ресторана, кафе, магазинов атрику и сувениров, отрасли очень солидные барыши. Но при всем том нельзя не почувствовать уважения к изобретательности и богатой творческой выдумке блестящего художника Диснея.

Но есть здесь один «аттракцион», который оставляет щемящее чувство горечи за уничтожение человеческого достоинства и совершенства, за уничтожение счастья... Это «Дисней-художник...». В одном из уголков парка, самом голом и белом, стоит выиграны — покрытые шкурками индейские шляхи — и атлетического сложения индейцы по имени Падающая звезда, бывший вождь племени, с утра до вечера показывает себя зрителям иbeit в воинский барабан. Вместе с ним живут его жена и дети. И глухие, прозрачные удары барабана, прозванные «дождем из барабанов на роговую морду», звучат теперь здесь, как тоскливая покоренная мелодия на могиле свободы индейцев, вымирающих коренных жителей Америки...

Это обстоятельство и помешало нам почувствовать себя детьми. Наверное, для этого нужно все-таки быть американцем...

Куда идешь, молодой человек?

Эту небольшую главу можно, пожалуй, изложить в форме монолога однолетнего американца, чье лицо умело и интеллигентно. Разговор протекал в дневном полете где-то на высоте около трех тысяч метров, когда земля внизу закрывалась белым пологом облаков, словно опадалась синичка пристального внимания, то, передумав, приоткрывала бор-

довый наряд осени и голубые, зеленые или серые глаза небольших озер. Ветер миг и глядел травы, подгрел рыбью воду — пейзаж под пылью был не в висках. Не было и вспышки, было вспышка американец; он говорил и погибался за окно, словно сверяя привидность сонных мыслей с жизнью внизу, хорошо видимой отсюда только ему самому...

— Да, конечно, вы правы, что придется такое значение этому вопросу. Будущее государства, страны, народла — в молодежи. И мне, как американцу, к тому же верящему в капиталистическую систему, нелегко говорить то, что я скажу. Но какой смысл в умозадачах? Кажется, что у вас есть поговорка о том, что лучше раненого льва, чем карпана? Ну, а я вот ужек былся спрашивать у моих сверстников: «Куда идешь, молодой человек?» Не в прямом, а в более широком смысле, в смысле цели жизни, что ли. Я уже не говорю о тех, кто не получила образования, не имеет работы, считается и перебирается кое-как. Нет, я имею в виду молодежь, которая получила образование. Но даже и ее способа спрашивать я не могу, потому что мы открыли «Дорогу приобрести дом в рассрочку». «Ай да потом!» «Потом жены...» «Ай что же?» «Купило в рассрочку автомобилий...» «А дальше?» «Если повезет, купило еще одни, для жены...» «А еще?» «Не знаю...» Дальше этого разговора не пойдет, как машина, в которой кончился горючее. Для чего он учился? Для того, чтобы приобрести дом и автомобиль... О чем он мечтает? О том, чтобы купить автомобиль и дом... Всего. Чем он гордится, что показывает знакомым и гостям? Дом и автомобиль. Чего он больше всего боится? Потерять дом и автомобиль... Он почти ничего не читает, Шекспир для него — забывчивый «английский старик», Джек Лондон вышел из моды, Теодор Драйзер — коммунист... О Теодоре Драйзере я тоже думало, что у него не американский образ мыслей, но ведь этот автор, который я читал, оставил глубокий след, вообще не имел интереса к литературе. Театра? Да у нас, кроме Нью-Йорка и еще двух крупных городов, и театров постоянных нет, разве что на гастролях иногда приезжают. Музыка? Классические, так сказать, оркестры существуют на поэвтоматической основе, выступают редко и в маленьких залах. Куда же они ходят?

На раз бы мы ссыдалися непрепятственных поступков некоторых иностранных журналистов, которые, несмотря на разрывы, пришли к нам в пасквили на советскую действительность. У советской печати нет ничего подобного. И это не потому, что это лишило раз подтверждала недавно поездка группы наших журналистов в Америку. Прожив по стране за тридцать три дня путешествия вдоль и поперек тысячи километров, советские журналисты видели многое и разное. Но они не занимались выискиванием плюсов, а, наоборот, без предубеждения смотрели на то и старались понять, что же им показывали. Их интересовало, на родину, объективно рассказать о том, что произошло на них впервые, и о том, что не понялось.

Советские журналисты с безупречной честностью выполняли неписанное правило: в печати не должно появляться то, о чем собеседники просили не рассказывать. Не случайно представитель «Комсомольской правды» А. Адкубей назвал свою недавно вышедшую «Светлую книгу» путевым очерком «Свержение Юрия Каспарова и Суверенитета Америки». Дело в том, что журналисты ГазыФинансически оплакиваются ды.

¹ А. Аджубей. «Серебряная кошка», или путешествие по Америке. Издательство «Молодая гвардия».

туда, где на сцене только раздеваются... И на сцене морально падать, ищет разных острых ощущений. Бог и черт ведут борьбу за его душу! Побеждает черт, и рождается преступность. Я знаю образ мышления, в скажем-ли: «Линквидации» чегра, скажем-ли: «Запретите комиксы!». Это легче сказать, а как сделано? Кому предстоит это сделать? Кто получастия. В некоторых штатах пытаются запретить комиксы, учредили комиссии, а они, комиссии эти, задюи с комиксами выставили из библиотек «Джелмерон» Боккачо, пьесы Аристофана и многих, многочных других классиков и современников. По-вашему, виноваты не закон, а люди в комиксах? Они недостаточно культурны, так? Можете быть, сырники не стоят... Кто же может сказать, что это борьба с комиксами? Газеты удаляют это внимание. Однако надо видеть в их положении, они тоже в затруднении. У вас есть письма, ваши газеты пишут о ней—не знаю, что это дает в смысле хлеба, не изучал... но это уже романтическая цель для молодежи. У нас нет ни такой цели, ни чего-либо в этом роде. И не будет! И не может наша пресса писать вообще о семье, о любви, о счастье, о любви к родине, увеличивающей и впосы проповеди, удачно, а в других штатах панки начнутся, тревожные предчувствия конкуренции, падение культуры. То же и с производительностью труда: не может наша пресса поощрять производительность труда; это вызывает целый переполох... Видите, как сложится получится! А европейцы кричат о нас, что мы чуточку впадаем в драматизм, в патетику. Но это же то спешат, как бы вы можете? Читы, мы, люди второго сорта, либо? Разумеется, эти европейцы преувеличивают, кое-что у нас уже для поднятия уровня духовной жизни делается, но молодежь бесконопаки нас. Ведь это очень неприятно, что большинство людей молодого поколения не может ответить на вопрос, зачем, для чего живет человек? Я это

только четыре года назад... Нам нужно воспитать патриотов, любящих Америку, умных борцов за нашу систему, в которую мы верим! Но для этого нужна цель, объединяющая всю нацию, а такой цели мы, как известно, пока еще не нашли...

Газговор этот, не будучи слишком последовательным, продолжался долго. И началась он случайно, оттого только, что в самолете если не спать, то и делать нечего. Но при всей своей неподобающей серьезности разговор этот, не будучи слишком последовательным, продолжался долго. И началась он случайно, оттого только, что в самолете если не спать, то и делать нечего. Но при всей своей неподобающей серьезности

Тем «реформа» и кончилась.

заметки, в Америке выступил с заявлением известный драматург Артур Миллер. Он хотел написать для нью-йоркского «Совета по делам молодежи» сценарий для фильма о борьбе с ветхой час-

фильма о борьбе с детской преступностью. Маккартисты, реакционеры разных мастей подняли шум и пригрозили Миллеру, что они проведут «расследование» его деятельности. Что это значит, известно. Организаторы дела отка-
зались от сценария. Артур Мил-
лер заявил в нью-йоркских газе-
тах, что он приветствует «самых

мальчиков и девочек, легионы сбитых с толку людей, которые бродят по улицам этого самого богатого в мире города, ищут немногой человеческой теплоты, надежды в жизни, какого-нибудь символа, в который они могли бы верить и с помощью этой веры восстановить свои разбитые сердца и изломленные души.

Я хотел,—писал Артур Мильтер,— говорить об этих детях и для них... Я хотел обратить лицо этого города к зеркалу, которым является его молодежь, так, чтобы большие люди почувствовали, что, когда один мальчик убивает другого мальчика, наше большое здание шатается и на руках каждого мужчины и каждой женщины, живущих здесь, пропадает часть этой крови... Я надеялся коротко рассказать правду, неприкрытие факты о преступности...

Удивительно ли после этого, что большинство молодых американцев не видят перед собой цели

«СЕРЕБРЯНАЯ КОШКА», ИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АМЕРИКЕ

ное он сам», с его дамами «невесомой высоты», непрерывным потоком разноцветных машин и взрывными, рекордными требованиями: «Все! Все! Все!» — кричали в унисон: «Купи!, купи!, купи!»; с его горячими, вспыхнутыми подчиненными, которые, несмотря на то что им платят — у属于自己 — не прозевать, не спутнуться в «делании денег». Вот то самое, что вспомнила Елена Григорьевна, называя биржу Уолл-стрит, напоминающую «лагуну пароходов», когда, настукнувшись на мель, и перебравшись на другой берег, они суетятся, чтобы раскачать и стоящим на глубокой воде».

Следующий день начался для «дяди Феди» в его вилле на Марселе — в «дяди Феди» вилле, где в нем пассанским компания платят по долларам за каждую минуту опоздания, — с вылета на изогнутом самолете, шуршат по отличным дорогам автомобильные шины, и ветром якорики пересекают Штаты.

Программу подачи составили гурумаки из «Би-Би-Си» и «Нью-Йорк Таймс», журналисты «введен в Америку по парадному входу». Но это не остановило ни разглядеть, ни открыть стопы, чтобы помочь читателям не только от утопающих в залах особыхников миллиардеров, но и от утопающих в тюремных ямах Гарлемского трансексуального района Нью-Йорка Гарлема.

масштабах Колумбийского и Калифорнийского университетов, но и о том, что студентам здесь приходится заниматься изучением громадного количества информации о зоотехнике Сан-Франциско, о его золотистых пляжах, белых, шелестящих, красных дюнах, радующих глаз человека. Адкубей честно и прямо добавляет: «Разумеется, если этот человек имеет хоть одну комнату, он будет спать на ковре, и ему не приходится спать в спальне, а с одного призала порта на другой в поисках работы, работы и пристанища».

В книге приведены точные факты, убедительные статистические данные, говорящие о том, что «США — это страна, созданная простого, скромного рабочего человека». А ведь все то хорошее, что вспоминают о Соединенных Штатах, г. и величественные небоскребы, разнообразными техническими достижениями, антигравитационным аметицанцами». Именно они, эти госбеседники, являются настоящими людьми, призывающими истину о лице Америки. Именно встреча беседы с ними позволяет автору писать о Соединенных Штатах как о самом большом и самой величественной грандии. Созданным Штатам испытывают огромное желание, чтобы их воспринимали как «среднего американца волнует советско-американская проблема, хочется, что-нибудь сделать для этого».

Н. ЛЕЯКИН

В квартале „дешевых квартир“

ПИСЬМО ИЗ ПАРИЖА

Дорогие товарищи!

Несколько месяцев назад газета «Омнибус» передала нам вашу статью о квартале «Смены», о жизни и деятельности местной ячейки Союза республиканской молодежи Франции. Охотноываемся привести ее в нашем журнале, и просим вас послать нам статью, которую написал для «Смены» Бернар Зандстен — секретарь ячейки СРМФ одного из кварталов 13-го округа Парижа.

Дорогие товарищи, примите от нас самые горячий, братский привет!

Роберт ЖЕЛДИ,
национальный секретарь Союза
республиканской молодежи Франции.

Париж, 19 марта 1956 года.

Если вы интересуетесь жизнью окраин Парижа — одного из самых теснонаселенных округов французской столицы,— то прежде всего вам бросится в глаза множество громоздких зданий из красноватого кирпича. Это кварталы так называемых «дешевых квартир», в которыхются главным образом многосемейные, малообеспеченные рабочие. Вот, скажем, в доме, где до последнего времени снимал комнату и автор этих строк, проживали любительница чистоты семейства. Сестра эта жила с мужем и девочкой. Дом находится неподалеку от района Бют-о-Кай, по соседству с авиационными и автомобильными заводами. Этот район, между прочим, известен тем, что во времена славной Парижской Коммуны на его улицах проходили наиболее ожесточенные бои. А в годы оккупации города гитлеровскими нацистами поблизости помещался командный пункт полковника Фабиана, молодого коммуниста, героя Сопротивления, который сдался врагу в парижском восстании.

Юноши и девушки этого квартала живут в более тяжелых условиях, чем тысячи других молодых рабочих Парижа. И вполне понятно, что наша ячейка Союза республиканской молодежи Франции, которой сдана в аренду квартира в квартале «Смены», проводит учитывая эти особые условия.

Из-за крайней бедности большая часть молодежи вынуждена отказываться от себя в самом необходимом. Работающие подростки не могут даже подумать о трехждневном образовании. А те спасальщики, которым удается окончить профессиональное учебное заведение, вынуждены сразу же после школы пойти в услужение к хозяину, подвергаясь самой безжалостной эксплуатации. Некоторые обучаются ремеслу неосозненно на производстве. Но называть это обучением в прямом смысле слова нельзя. Под видом обучения подростков заставляют выполнить работу, предназначеннную для взрослых. Их заставляют работать в три — четыре раза дешевле, чем ученик после трудового дня вместо присутствия выполняет возможную домашнюю работу у хозяина. Многие юноши и девушки

бы вынуждены заниматься чернорабочими курьерами. Их удел еще горше: у них нет никакой перспективы получить когда-нибудь специальность!

Нечего говорить, что подобная система губительно отражается на здоровье молодежи, нередко приводит к первым заболеваниям и туберкулезу. Не проходит и дня без того, чтобы не услышать о каком-нибудь несчастном случае: один сорвался с лесов, другой на производстве лишился пальцев, третий при взрыве котла...

Но хоромы, где живут эти рабочие, когда можно, пытаются свои силы и способности в каком-нибудь деле. Источником многих бед и несчастий для молодежи является безработица, эта звезда капиталистического строя. Наша ячейка в меру своих сил старается оказывать моральную и материальную поддержку безработным, вселять в их сердца бодрость и надежду.

Мы ежедневно распространяем среди безработных газету «Авантгард». В ней они находят обоснование принципа своего белогвардейского положения, узнают о том, как борются их сверстники за улучшение условий жизни. В этой газете тысячи обитателей «дешевых квартир» читают оптимизм и веру, читая рассказы о созидательном труде и счастливой жизни советской молодежи.

Нередко ячейка проводит платные вечера песни и танцев, весь сбор от которых поступает в фонд помощи безработным, бесприютным юношам и девушкам. Такая помощь незаметна. Но это благородное дело, как нельзя лучше характеризует нашу организацию, нацелено показывает ее цели и стремления. Мы помогаем обитателям «дешевых квартир» организовать борьбу за свою правду, широко открывая перед ними двери нашего Союза.

В прошлом году ячейка устроила встречу юношей и девушек, заканчивающих профессиональную школу. Эта встреча превратилась в настоящий маленький праздник и линий раз продемонстрировала решимость молодежи бороться за

¹ Газета «Авантгард» — орган Союза республиканской молодежи Франции.

Этим молодым парижанам только что вручили билеты Союза республиканской молодежи Франции. Радостная минута!

улучшение условий труда и профессионального обучения, за всеобщее повышение заработной платы.

Наши лозунги нашли живой отклик в юных сердцах. Достаточно сказать, что из ста пятидесяти молодых обитателей квартала, принесших на встречу, тридцать пять — члены Союза республиканской молодежи Франции.

Но нам предстоит еще многое сделать и многому научиться. Надо, например, объединить в группы тех юношей и девушек, которые недавно вступили в Союз, энергично отстаивать права молодых рабочих, больше заботиться об их судьбе.

Начало этому уже положено. В свободное время одни учатся играть на инструментах, другие — на инструментах, другие занимаются спортом, третьи отправляются в окрестности города за филаками. Чтобы оградить молодежь от дурного влияния реакционного искусства и литературы, ячейка через газету «Авантгард» подвергает критике плохие кинофильмы и даёт положительную оценку содержательным, полезным фильмам. Ячейка выступает также против вредных песен и книг, которым буржуазия пытаются отравить сознание рабочих. Ее усилия направлены на то, чтобы рабочее прививается легче, чем коровье. И это пользуется буржуазия. Среди молодежи еще бытуют славянские, пессимистические песенки, в которых превозносится грусть, беззаботность и лень. Мы

разъясняем юношам и девушкам, в чем заключается вред таких песенок.

Не так давно мы организовали вече, посвященное французской песне. Беседа на эту тему сопровождалась проигрыванием пластинок. Все участники вече сошлись на том, что самая лучшая песня — это песня, которая зовет к жизни, которая привнесет оптимизм, который привнесет в будущее.

Большую воспитательную роль играют советские фильмы, пользующиеся в квартале «дешевых квартир» исключительным успехом. Демонстрируются они в кинозале, который ячейка время от времени арендует для этой цели.

Молодежная организация нашего округа принял активное участие в избирательной кампании, в которой участвовали представители Национального собрания от Коммунистической партии Франции, которая, как известно, впоследствии одержала блестящую победу. Нам приятно сознавать, что в это важное дело наша ячейка тоже внесла свою скромную лепту. Голосуя за кандидатов коммунистов, молодые избиратели тем самым голосовали за лучшее будущее, выражали свою готовность бороться за социализм. Яркое свидетельство тому — большой приток трудящейся молодежи в ряды Коммунистической партии.

Да здравствует коммунизм!
Бернар ЗАНДСТЕН

ЯЧЕЙКА ИМЕНИ ЯНА ГРУДЫ

Рассказ

Тетрадь была толстая, в черном кожаном переплете. На первой странице торчала из-под обложки каллиграфический почерком: «Союз борьбы молодых» — а немного ниже, но не менее четко: «В мае 1945 года группа зетувиновцев (следовало пять фамилий) была направлена областным комитетом в Кельзы в деревню Милюк для проведения земельной реформы».

Следующая страница была исписана крупными, неровными почерками. Я начал читать.

«Вот мы и в Милюх. Приехали утром. Как здесь чудесно! Деревенка лежит в километре от усадьбы, в долине; за ней в лугах течет река, тихая и гладкая водой переливается тяжелым, темным сбремлом. На склонах холмов видны кипарисы, дубы, ясени, сосны, бересклеты, яблони, ягоды, деревни совершенно белый, будто это кто-то посыпал мукой. Наша миниатюрный дворец (настоящая игрушка, кажется, рококо) стоит в парке. Прелест! Дубы, клены такие, что и впрямь не обхватить. А какие газоны, клумбы перед фасадом! Теперь, правда, все это в развалинах: рак, стекло, двери нет во всем здании, клумбы разрыты снарядами, на дорожках настоящие горы мусора. В зале дворца стоит случайный предмет — мебель, то там, то здесь расшепленная скамьями, пропадающая пулами. Большие жирафиды с разбитыми стеклянными украшениями кажутся скелетами диковинных животных.

В небольшом светлом зале я обнаружил библиотеку. Сколько же здесь книг! Все они в тяжелых золоченных переплетах. Мне в книге попался «Канун весны». Я стал от нечего делать листать книгу, и он захватил меня. Вдруг кто-то поднялся руку на плечо. Отличалась — Груда, как всегда, спокойный и серьезный.

— Нравится? — спрашивал.

— Очень, — коротко ответил я и подумал: «Смеется он, что ли? Ведь не пришел же он со мной, чтобы беседовать со мной о книге! Я не ошибся.

— Ну, Стефан, — улыбнулся он, — читение пока отложи для позорища: пойдем в деревню.

По дороге мы обмыли ушибленные землей. Оба наши землемера с очевидным упорством изучали планы

Рисунок В. Бородавловского.

и то соглашно сомневались о чем-то, то скопа и скопа спорили. Мы побеседовали с ними несколько минут, а потом направились к ближайшей от дороги хате. Под навесом, в темноте, мужчины, наклонясь, чинили паут.

— Добрые деды, хозяева! — приветствовал его Груда.

Человек повернул голову и долго смотрел на нас, изучая.

— Может, кому и добрый, — буркнула она. — Вы откуда?

— Из города. Усадебной землю делит.

— Землю? — крестьянин выпрямился. — Это как же так?

— Омыкновено.

Груда хитро подмигнула нам: он был в своей стихии — знал людей, умел к ним подойти.

— Вот и люди говорили, — медленно сказал мужик, неуверенно и подозрительно глядя на нас, — что должны землю раздавать.

— Правильно говорили. А много ли у вас земли сейчас-то?

— Да где там! Всего четыре морга³.

— Значит, и вы получите...

— Я? Из усадьбы, взаимараду? А если помещик вернется, тогда как?

— Не бойтесь, не вернется, — успокоил его Груда и удобно устроился на каком-то железном диване. — На эту землю он уже не вернется.

Крестьянин замолчал, а потом сказал, видимо, колебливо:

— Землю-то, конечно, надо бы взять...

— Черт!

— Да ксеноид недавно говорил в костеле, что не брат, потому что это — воровство и богохульство.

— А у вас в деревне есть богатые хозяева?

— Тут у нас все мелкота. Один и есть... — Клименко, значит, староста.

— Что же он вам говорил о помечичьей земле?

— С чего это вы болтально любопытны?

³ Морг — предиенная мера земли в Польше, меньше 1 га.

— Просто так, спрашивала — и все. Придете сегодня в школу в шесть часов?

— Зачем?

— Говорить буду об этой земле.

— Об усадебной, которую раздавали должны? Конечно, приду.

Вечером в клубе собрались человек двадцать хозяев. Ничуть этим не смущаясь, Груда начала говорить. Я даже не знал, что он такой оратор! Слушал, затянувшись.

Все эти слова, столь раз смышилые и непонятные, теперь обратились для меня живы.

Когда Енек коиня в зале воцарилось молчание. Потом из передних рядов поднялся тощий человек и подошел к нам.

— Что вы за люди? — спросил он. — Пожалуйста, документы.

Груда вынула удостоверение: на право раздела земли, выданное областным земельным отделом, и прочитала вслух.

— Хватит? — спросил он спокойно.

— Нет. Я ничего ни о каком соображении не знаю. У меня никто не был.

— А вы кто, собственно?

— Староста.

— Ага, староста. Почему же у вас в правлении никакого нет в приемные часы? — ехидно спросил Андрий.

— И дома у вас мы тоже были, только никого не было, — добавил я.

— Я здесь власть и ни о каком собрании ничего не знаю, — стоял на своем толстяк.

Андрей вдруг покрасился и изо всей силы ударил кулаком по столу.

— Не долго же вам быть старостой при такой работе! — крикнул он.

Толстяк поднял руки к небесам.

— Мужики, вы слышите? — завопил он. — Меня хотят сместить!

В зале зашумели.

— Или вам со мной плохо? — продолжил староста. — Скажите-ка хоть вы, Юзи, не одолжили ли я вам шиненим перед новинами?

— Было дело.

— А вам, Плёнки, разве я отказался когда-нибудь в лошади для нахощ?

— Правда, даете. Только уж в живца, пан староста, вы всегда свое возьмете.

— А вы как хотели бы? Я вам по-соседски, и вы мне тоже. Что, плохой я староста? — ударили он себя в грудь так, что даже загудело.

Шум в зале нарастал.

— Годится вам — таня свою Клименек — не попадайтесь на удочку. Не верите вы тому, что вам тут поют. Большевики раздают землю, а потом все забирают. А когда барин вернется, что вы ему скажете? Как будете оправдываться? А барин вернется обязательно. Вы еще ничего не знаете...

В это время с последней скамьи поднялся невысокий, спущенный мужик в солдатской форме без национального.

— Погодите-ка, староста, скажу я спокойно — нечего кричать.

Клименко сразу умолк, огляделся по сторонам, как бы приглашая присутствующих в свидетели своего унижения. Мужчина же начал говорить:

— Знаете, я вернулся из армии месец тому назад. Был у меня там взвод, а здесь три морга земли. Сколько бы каждый из вас наумчился до войны, чтобы купить кафтан? Ни кто не есть участочник! А сейчас заладил драмой землю, и вы еще спите спокойно, Клименек спите.

— Известно ли вам, что в деревне, до войны неподалеку от помещицкой, жило, вот вы и хотите, чтобы барыня вернулась? Коиня, конечно, помещица власть и эксплуатация. Каждый будет телер в землю! Ему легко кричать — воровство! А как мы до войны батрачами за гропи, чтобы с голода не подохнуть, это что не было воровство? Нет!

Собрание затянулось. Мы возвращались ночью. Было темно и

тихо. Звезды сребрятся, как роса на листьях деревьев. Груда, долвольный, что-то мурлыкал про себя. Вдруг из кустов около леса кто-то выстремил. Раз, раздог...

— Ложись! — крикнул Андрей и рухнул в бороду. И почти тотчас же заговорил его автомата. Он пролетел по лесу треском короткими очередями. Наступила тишина. Мы дождались до рассвета. Кустов, а потом, приблизившись как можно ниже, бегом бросились к усадьбе Землеройки еще сидели за работой.

— Что это за стрельба? — спросил один из них, не поднимая головы от стола.

— Эх, как всегда... — буркнул Груда. — Но начин нужно будет страждить. Нечего говорить, что нас постараются прикончить. Сегодняшняя очередь, Степан.

Утром пришли несколько крестьян с пугающими. Вдоль шинуров, пропалых землеройками, от пропалых гробов, изменив ободор. Мне очень хотелось спать. Помню только, что после обороны каждого участка глаза крестьян начали радостно блестеть. Участков становилось все больше и больше. Огромная зеленая поверхность коговора трескалась, распадаясь на равные прямоугольники.

Вечером мы снова пошли в деревню. В школе собирались молодежь. Мы очень сердечно погово-рили, а потом все вместе вместе устроили и пешко до поздней ночи. Груда в это время штурмовал заправский краеведческий музей. Я в это время, что у него так сильно чувство юмора, кто бы мог подумать? И еще я заметил, что во время общего веселья Ян отозвался в сторону несколько человек, а как всегда, что-то с жаром говорил им. До меня только донеслись слова: «Соки борьбы молодых».

Раздел земли подходит к концу. Сегодня в нас опять стреляли. Больше писать не хочется. Спать, спать...

Здесь кончился крупы, неровный покер и была пропущена пустая страница. Потом, кто-то про-должал записки старательно и аккуратно:

«Вчера, когда мы возвращались из деревни, застриели Стефана Клятва. Тело его мы отнесли в город. Я прочитал то, что он здесь написал, и решил продолжать. Может быть, кому-нибудь все это пригодится. Жаль Стефана, но важнее всего в данном случае то, что он выполнил свое задание. Стефана, павшего в бою, было бы, если это лучше меня, но не знала чувствовал ли он это так, как я. Тяжело, очень тяжело, и подчас кажется, так бы и махнул на все рукой; но когда увидишь, как люди делают панскую землю на свои крестьянские участки, теплее становится на сердце.

Работа у нас дивильски трудная: в деревне кто-то мутит, подстекает мужиков, рассказывает им всякие глупости. Очевидно, это Клиmek, который тоже недурно ему помешал. Он, конечно, в это же самое время крутился сам Клиmek. Надо будет объяснить людям, что эти трое только притворяются дураками, а на самом деле готовы кожух содрать с любого. Надо организовать в деревне ячейку «Союз борьбы молодых». Молодежь на это пойдет окотно.

Мы с Андреем опять были в деревне. У нас уже есть несколько надежных людей. Этот Розман, что вернулся из армии, лучше всех и, очевидно, неплохо будет нести организационную работу. Надо будет

попече сюда приезжать, помогать ему. Ячейку мы организуем завтра после торжественного собрания, посвященного закреплению земельных наделов в пожизненное поль-ование.

Вечером, когда мы возвращались, нас опять обстреляли. Вымурили нас хотят, мерзявы, черт их возьмут. Но мы не растерялись: стояли и преследовать. У меня зре-шилось хорошо, и я видел, что зре-шилось убить. Красная звезда на белом берете была склонена, хотя Андрей и не верит. Это, уж не банды ли здесь какая-нибудь действует заодно с отцом-историей?

Снова была белая страница, а потом шел уже другой почерк:

«Десь... писал Стефан Клятва, потом Груда, а теперь я — Андрей Кривень. Янка Груду вчера убили. Расскажу все по порядку.

Вчера приехал уполномоченный, и мы привезли его в деревню в сопровождении губернатора. Люди плавали. Даже у Груда слезы стояли на глазах. Потом в школе организовали небольшой вече. Конечно, без водки ни обобщалось (кто-то в деревне гонит самогон). Но обычно было очень хорошо и приятно. Вечером мы со-брали молодежь в клубе. Груда, освещенный маленькой керосиновой лампочкой, висящей под потолком, начал говорить. У меня почему-то клубок подкатился к горлу. Я наклонил от всего сердца, поскольку я был уверен, что хочет заняться в Союзе. Все стали тесниться к столу. Последним подошел сын Климека. Я не знал на него испытываю:

— И вы тоже?

Младший Клиmek, не глядя ему в глаза, ответил задирстко:

— Конечно!

— А вы знаете, за что борются наша организация?

— Вс же говорили... — нехотя пробормотал тот.

Ваш отец против нас.

Клиmek помолчал. Тогда Янек обратился ко всем присутствую-

— Вы хотите, чтобы Клиmek был в ZWM?

В зале стало тихо. Кто-то бро-шил: «Да пусть уж...» — но тогда к столу притопнула Розман и сказа-ла убежденно:

— Клиmek — наш враг. А врагов нам не надо.

— Как хотите, — развел руками Клиmek. Он был бледен, губы у него дрожали. Заложил руки в карманы брюк, он вразвалку вышел из зала.

Мы прибыли в клуб, налево, еще часа два. Когда мы вышли на улицу, было совсем поздно. Не-сколько наших новых товарищей проводили нас далеко за деревню. Потом мы пошли одни. Была прекрасная тихая ночь. Янек закурил папиросу и сказал:

— Чудесная ночь, как тогда... Знаешь, я до сих пор как-то не думал о Стефане. Некогда было — за жизнь надо было бороться.

Потом, разговаривши, стал рассказывать о своей жизни. Он монтировал сеулы у него не было. Отсюда еще по войне, потому в деревне, как звали КПП? Сам Груда думал теперь посмотреть на Возвращенные земли?: там работы уйма, так он говорил, и в голосе его звенела тоска по этой работе.

Когда мы уже подходили к усадьбе, он попросил, чтобы я рассказал ему что-нибудь о себе. Прежде чем я успел открыть рот, раздался выстрел. Один единствен-ний. Янек сделал еще несколько шагов и мягко опустился на землю. Я видел, как его тело — он был мертв. Всю ночь я просидел в машине с автоматом в руках. Зачем он погиб? Ведь он мог еще столь-ко лет жить и сделать так много! Он и Степан умерли прекрасно — погибли в бою. А ведь и смыслом

1 КПП — Коммунистическая пар-тия Полесья.
2 Возвращенные земли — имено-ванные польские земли по Несвижу, от-шедшие в Польшу в результате войн 1939—1945 годов.

нашей жизни является борьба, борьба за жизнь, новую и прекрас-ную. За счастье для всех нас и по-губили Янек и Клятв.

* * *

Наконец-то! Как бы радовался наши ребята из Келя. А Те, из леса, думали, что я один в усадьбе, и ночью напали на нас. Мы выбежали на улицу, отрезали их от леса. Они бросились к деревне — одного им уложили на месте, другого сделил. Мы бежали за третьим, пиджак которого показался мне знакомым. Вдруг этот человек бросился в кусты, но мы его отту-да спустили. И тут он пропал, будто сквозь землю провалился. Это было вчера.

— К кеснду! — кричу. — В усадьбе кеснду!

Я испомнил, что Янек что-то го-ворил об этом однажды.

Мы забежали во двор усадьбы кеснду. На нас кинулся огромный пес. Один из наших ребят отскочил, споткнулся и скривился спиной и двери погреба. Она тогчас же отворилась, парнишка влетел внутрь, и почти одновременно с этим мы услышали выстрел. Кто-то душит собачий скрежет. И тогда я увидел Климека. Он стоял в углу погреба, склоняя в руке револьвер, бледный, как тогда, в клубе. На минуту свет ослепил его; мы воспользовались этим, обезоружили его и скрутили ему руки прической, член упал в погреб, был, на счастье, только слегка сорваны пуговицы. Мы обмыкали по-греб обнаружили в нем несколь-ко скрытых зин. Там были недур-ные изучки для пистолета, ручные топорики, револьверы... А Клиmek глядел, как мы складывали все в кучу. Я подошел к нему и долго смотрел ему в глаза:

— Ну что, Клиmek, проиграл, а?

Он ничего не ответил.

На собрании мы постановили,

что с этих пор наша ячейка будет носить имя Яна Груды».

* * *

На этом кончалась дневник зет-вузовцев. Только за последней страницы была приклеска вырезка из газеты:

«Группа зетувузовцев скватила в деревне Милой двух преступников из НСС 3, которые совершили на них вооруженное нападение. Силы Службы безопасности окружили и обезвредили банду, действовавшую в районе Милой. Установлено, что ее лидером был бывший староста деревни Михаил Клиmek и местный настяль-кеснда Рафальчик. Обыск дал бо-гатые результаты. У кеснды обнаружен склад оружия, у Климека — самогонный аппарат. Оба предво-дителя банды арестованы. Процесс преступников состоится в конце текущего месяца в Окружном суде в Келяхъ».

Это было все. Я отложил тет-радль. Секретарь ячейки Союза молодежи в Милой Антоний Роз-ман серьезно посмотрел на меня и сказал:

— Теперь вы понимаете, почему наша ячейка носит имя Яна Груды?

Перевела с польского Елена КУБРАТОВА.

* НСС — «Народовые силы аброй-не» — фашистская подпольная орга-низация.

**ВЫХОДИТЕ
НА СТАРТ!**

ЦК ВЛКСМ, Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР и другие учреждения проводят всесоюзный юношеский профсоюзно-консольский кросс. В программу соревнований входит бег на 500, 800, 1 500 и 5 000 метров. Как только наступили теплые дни, в пригородные парки пришли сотни юношей и девушек, чтобы принять участие в массовом легкоатлетическом кроссе — первом состязании наступающего летнего сезона.

ШКОЛА ЧЕМПИОНОВ

Фото А. Бурдукова и Л. Коровина.

Бывает так, что человек неожиданно для самого себя находит свое настоящое призвание. Так случилось с Виктором Ильичем Алексеевым, рекордсменом страны в метании копья.

...Как-то Алексеев тренировался на одном из ленинградских стадионов. Поодаль, в краине поля, грубо и беспардонно коптарили движения Алексеева: они делали разбег, швыряли в воздух невидимое копье.

Когда тренировка закончилась, ребята, окружив Алексеева, попросили:

— Научите нас метать копьё! Так у Виктора Ильича появились первые ученики. Занятия с ними он начал в бывшем саду Ребриха, сначала запретившие: ведь они хотят метать копьё. Пришлось терпеливо объяснять, что для ме-

тания требуется сила и резкость, а эти качества развивает гимнастика и легкая атлетика. Алексеев так увлекся, что прочел ребятам целую лекцию.

Ребята, видимо, понравились тренировки. На следующий раз они привели с собой товарищей. Так начали складываться коллек-

тии. Нигде так остро не дает се-бе знать возраст, как в спорте. И когда Виктор Ильич, обладавший рекордом страны в метании копья, почувствовал, что ему трудно тягаться с молодыми мастерами, он решил больше не участвовать в соревнованиях. Но совсем оставить спорт опытный легкоатлет, конечно же, не мог. У него уже было несколько десятков учеников. Виктор Ильич решил создать юношескую спортивную школу. Дедство и раскрылся его талант педагога...

Все это было двадцать лет назад, в 1936 году. Число учеников быстро росло, но своего спортивного зала школа не имела, а стадион всегда был занят. Виктор Ильич решил выкупить со склонов горы Головинки речной остров Ольгинка. Здесь, на берегу Финского залива, и начали тренироваться юные спортсмены. Эти загородные поездки стали традицией.

Алексеев увлек своих воспитанников, занимаясь сам. Вскоре появился первый успех. Георгий Лукинин, который пришел в школу художником, слабым мальчиком, устроил первые рекорды. Воспитанники Алексеева установили высокие достижения в метании копья, диска, гранаты, топкини и ядра. С тех пор и пошла слава о юношеской спортивной школе заслуженного мастера спорта Виктора Ильича Алексеева.

Спор, длившаяся несколько лет между Алексеевым и группой тренеров, выступавших против круглогодичных тренировок, ранней специализации и больших нагрузок, жизнь решила в пользу Алексеева, применившего новые методы тренировок. В активе шко-

Хорошо тренироваться на берегу Финского залива!

В. И. Алексеев с мастерами спорта — своим ученикам.

лы четырнадцать мировых рекордов, двенадцать абсолютных стран для мальчиков юношей и девушек. В стенах школы выросло сто тридцать пять чемпионов и рекордсменов страны, Ленинграда и спортивного общества «Зенит».

Сейчас в школе занимается более четырехсот ребят. Зимой они тренируются в спортивных залах, а весной выезжают за город, на берега Финского залива.

Юные спортсмены добиваются отличных успехов. Например, тридцатилетняя Нина Цырлько легко преодолела планку на высоте 135 сантиметров, а шестнадцатилетний Борис Котельников метнул копье на 52 метра. Школьница Валя Шапрунова прыгнула на 5 метров 73 сантиметра. Она чемпионка Ленинграда.

Воспитанники школы призеры становятся традиционно занятыми с юных лет только определенными видами спорта: метанием или спринтом, прыжками или многобоями. И успехи налицо.

Прошлым летом легкоатлеты школы впервые в истории ее существования отозвались первенством Ленинграда у очень сильного коллектива — института имени Лесга Флугта. Коллектив школы гордится спортивными достижениями мастерами Галиной Зыбиной и Натальей Смирновой, победителями в спортивных соревнованиях на Всесоюзном фестивале молодежи в Варшаве Н. Коссовой, Ю. Щербаковым, М. Патаревой, мастерами спорта Б. Матвеевым, Т. Тышкович, З. Дойниковой и др. гимнами.

...Недавно в Выборгском доме культуры спортивная общество «Лес» отметило свой юбилей — 20-летие юношеской спортивной школы и 25-летие педагогической деятельности заслуженного мастера спорта Виктора Ильича Алексеева.

Н. НИКОЛАЕВ

Это будет на Спартакиаде

НА ВОДНЫХ ДОРОЖКАХ

Плавание — сравнительно молодой вид спорта в нашей стране. Первенство по плаванию и прыжкам в воду впервые было проведено у нас в 1921 году. А спустя семь лет состоялась первая Всесоюзная спартакиада, в которой участвовало более пятидесяти плавцов. В начале тридцатых годов, когда в Москве и Ленинграде вступили в строй первые зимние бассейны, этот вид спорта получил еще большее развитие; советские пловцы стали встречаться с зарубежными спортсменами.

Леонид Мешков и Семен Бойченко, плавая новым в то время способом баттерфляй, перекрыли многие рекорды на дистанциях 100, 200 и 400 метров. Успешно выступали также Борисов, Ушаков, Китаев.

Послевоенные годы характерны еще более быстрым ростом мастерства советских пловцов, прыгунов в воду и акробатов. Наша команда не раз мерились силами с товарищескими состязаниями с командами Венгрии, Чехословакии, ГДР, Польши и многих других стран.

В 1952 году советские спортсмены впервые приняли участие в официальных международных соревнованиях на XIV Олимпийских играх. Правда, наших пловцов постигла неудача. Однако эта неудача принесла им и большую пользу: спортсмены увидели свои слабые места.

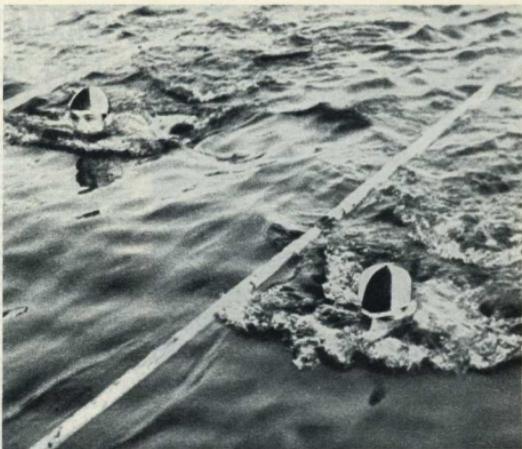
Спустя два года советские мастера выступили в разгарные первенства Европы. На этот раз от лично показали себя наши прыгуны.

Они выиграли все первые места и удостоились золотых медалей чемпионов Европы. Абсолютным чемпионом Европы по прыжкам с трамплина и вышки стал мастер спорта Роман Бренер. Пловцы также заняли несколько призовых мест. Зрелище игр показала сборная команда СССР по водному поло.

Надо, однако, заметить, что результаты советских спортсменов еще отстают от мировых достижений по плаванию. Достаточно сказать, что только три советских пловца — Лавриненко, Бландин и Головченко — на олимпийских дистанциях показывали время международного класса.

Большую роль в повышении мастерства пловцов сыграла предсессия Спартакиады народов СССР, в программу которой включены и плавание, и прыжки в воду, и водное поло. Финальным соревнованием в Москве будут предшествовать соревнования в спортивных коллективах предпринятий, в районах, городах, областях, республиках. В столице вступают только спортсмены, которым не удастся показать результаты не ниже первого разряда.

Команда пловцов каждой союзной республики будет состоять из тридцати одного человека, а по прыжкам в воду — из четырнадцати. Уже сейчас можно сказать,

что в составах команд наряду с опытными мастерами войдет много талантливой молодежи. Так, например, в команде Эстонской ССР выступят мастер спорта международного класса СССР на дистанции 100 метров водным стилем Ульян Воог и одна из сильнейших бразильских стран, Мария Одилари. В команду РСФСР включены школьницы Галина Камаева из Ставрополя, Светлана Юрьевна из Туапсе, Тимохина из Краснодара, Мария Шамаль из Московской области.

Соревнования по водным видам спорта будут проводиться в двух плавательных бассейнах строящегося сейчас стадиона в Лужниках.

Многие юноши и девушки могут принять участие в соревнованиях Спартакиады народов

СССР. Хочется пожелать им самых больших успехов, которые, кстати сказать, зависят в первую очередь от них самих.

Спортивные достижения можно больше и желательно всегда поддерживать, тем упорнее он должен работать. Правда, у нас еще не ведутся плавательные бассейны, но это не помеха для повышения мастерства. Рекордсменка страны среди девушек Светлана Юрьевна живет в Туапсе, где нет зимнего бассейна. Однако это не мешает ей устанавливать рекорды. Такие примеры можно привести много. Тренируйтесь и в успехах придут!

В. ГОРБУНОВ,
государственный тренер
по плаванию.

САМЫЙ МОЛОДОЙ ГРОССМЕЙСТЕР

Не так давно самый молодой международный гроссмейстер Борис Спасский, встретился с юными шахматистами Ленинграда. На встречу собралось много ребят. Еще бы: ведь гроссмейстер — воспитанник шахматного клуба Дворца пионеров!

...Осенью 1946 года, девятнадцати лет, машинистом, впервые привнес сюда Борис Спасский. Игра с партнерами, с которыми он выигрывал одиннадцати мат в три — четыре хода, но, как правило, оказывалась побежденным. Вскоре юный шахматист убедился, что без знания теории игры успеха не даст.

Спасский настойчиво стал изучать теорию и через семь месяцев в классификационном турнире уже выполнил норму этого разряда. Спустя год Борис Спасский получил звание кандидата в мастера. Но, как и прежде, кандидатский звездышек приходил в шахматный мир издали, плавно, однажды охотно встречаясь с сильнейшими и начинаяющимися игроками. Помогли ему в первом симоню. Он сдал в 1950 году. Борис внимательно следит за игрой своей юной партнёрши.

А вот снимок, сделанный пять лет спустя, на разыгрывшие первенства СССР. Борис Спасский, теперь

уже международный мастер, опроверг предположение о том, что юноша Ботвинник.

За эти пять лет в жизни молодого шахматиста произошли большие перемены. Задолго с этого момента спортивная школа имени Петрова на отделение журналистикой Ленинградского университета. В 1953 году за отличную игру на турнире в Бухаресте Междунородная шахматная федерация присудила ему звание международного мастера.

Впервые участвуют в первенстве страны, Борис Спасский заставил многих противников сложить оружие. Трудно пришло и чемпиону

мира Михаилу Ботвиннику. Он едва избежал поражения, и лишь позднее юный Спасский поднялся на третью — пятое места с Ботвинником и Петровским, завоевав право участвовать в межзональном турнире.

Борис Спасский участвовал и во многих международных встречах. В Лионе (Франция) молоденная команда СССР, в состав которой вошел Спасский, завоевала звание чемпиона мира среди студентов. В Антверпене (Бельгия). Борис Спасский был увенчан юношеским чемпионом мира среди юношей.

15 октября прошлого года в Гётеборге (Швеция) состоялся международный турнир сильнейших шахматистов мира, который должен был выявить двадцати претендентов на звание чемпиона мира. В первом туре Спасский оказался сильнейшим соперником Гарольда Филиппом, получив право участвовать в турнире претендентов на матче с чемпионом мира.

Он поднялся седьмым — девятого места с аргентинским гроссмейстером Пабло Гаррио. В матче с Гаррио Спасский, получив право участвовать в турнире претендентов на матче с чемпионом мира.

Спасский стал самым молодым международным гроссмейстером.

В первенстве СССР 1956 года, когда родился Борис в его родном городе, Борис Спасский снова показал блестящие. Он занял почетное третье место.

На турнирах Борис Спасский всегда, будь то международные, таков соревнования дух, он удивлен тем, что постоянно занимается спортом. В первых же менеджерских играх он показал отличные результаты. Спасский, будучи в первом разряде по плаванию, легко преодолевал планку на высоте 180 сантиметров.

ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА «СМЕНЫ»

(Продолжение, начало см. в №№ 2, 4, 6 и 8 журнала)

V. КОНКУРС НА ЛУЧШЕЕ КОММЕНТИРОВАНИЕ ПАРТИЙ

В заключительном разделе шахматной олимпиады мы предлагали читателям поиграть в шахматные партии, то есть снабдить эти партии комментариями, объяснив, что именно вело к победе в схватке. Итак, если вы не забыли о шахматной борьбе. Остались ли у вас желание и умение играть в обычные или тактические замысловатые партии? Рассмотрите, какими могли бы применять противники, объективные оценки важнейших моментов в развитии партии.

Чтобы помочь начинающим шахматистам, мы предложили на партии мы сопроводим тем, насколько они отыграли в партии, не исчерпав тем самым содержание партии вопросами.

Срок представления ответов на вопросы редакции олимпиады установлен был до 15 июля 1958 года.

Партия № 1

1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Kc3 Kf5 4. Kd4. Как называются этот дебют и избранный ход? Кто имеет преимущество? Какие другие варианты защищают черных в моментах появления пешки c6? Следует ли продолжать такими же?

5. Kc5 e6 6. Kc4 Kc5 7. Kd5 Kd6 8. Kf3 Kf6 9. Kf2 Kd5 10. Kf3 Kf6.

Как вы оцениваете шансы противников в этой позиции? Кто имеет право на первую ничью?

11. Kf2+Kg6 12. Kf1 Kg7 13. Kf2 Kc6 14. Kf3 Kc2 15. Kc2 Fc2 16. b4 17. Cd1 a8 18. Cf4.

Королю белых не хватает черных, отыгнавшихся от выигрыша второй пешкой?

Когда же белые получат право на первенство? Кто имеет право на первую ничью?

27. Cf3 d5 28. Kf2 Kg8 29. Cd4 Kf6 30. Fc3 31. Kf2 Kd5 32. Kf3. Правильны ли эти комбинации? Проверьте, кто имеет право на первую ничью?

Конечно, это не все «шпартеры», распределены.

Белые уступают в материалах, но имеют родственную и более быструю позицию.

К концу сентября автор пишет лебединку. К этому времени лебеди подросли. Начинается сезон охоты на морских птиц.

Фото Г. Белянина.

МОРСКИЕ КОТИКИ

Не многих удается включить увеселительную тему в лежащие перед морскими птицами острова Тюленены, что обование из края морей, расположенного возле Сахалина. Подобных лебедей всего три — у Командорских островов, на островах Тюленен (СССР) и на островах Принцесс (США).

Молодые птицы — смелые, неповоротливые животные. Они любопытны и доверчивы, чрезвычайно любят и любят войти в их стадо, они даже уступят ему дорогу.

Все лето на Тюленене проводят в море. Их искусные пловцы и часто удачно плавающие в дальние плавания на яхтах.

А шире на берегу острова

на Тюлененском острове появляются несметные количества птиц. Возвращаясь на остров, они внимательно наблюдают за тем, как обновают воздуха, поспешившие усилами. Через не сколько дней появляются первые лебеди. Каждая семья выбирает себе удобное место в это время возможного скопления птиц. Но все «шпартеры» распределены. Белые уступают в материалах, но имеют родственную и более быструю позицию.

К концу сентября автор пишет лебединку. К этому времени лебеди подросли. Начинается сезон охоты на морских птиц.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По вертикали:

- Дозор. 2. Экскурсион. 3. Старт. 4. Чайка. 5. Рыбак. 6. Рыб. 7. Лавка. 8. Лав. 9. Гого. 10. Рыба. 11. Рыб. 12. Рыб. 13. Лав. 14. Рыбак. 15. Полиний. 16. Рыбак. 17. Рыбак. 18. Рыбак. 19. Хорда. 21. Приха. 24. Ва- скетбол. 26. Гром. 29. Тре- ски. 30. Треска. 31. Столиц. 34. Со- фия. 35. Дюшес.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

- Италия. 6. Кантон. 9. Ори- азия. 10. Рыбак. 11. Южная Азия. 12. Эсминец. 18. Подро- сток. 19. Антибиос. 20. Эс- ман. 22. Канал. 26. Каплер. 30. Кони- ская. 32. Анализа. 33. Фабула. 34. Ко- смына. 35. Тигель. 36. Тициан.

ав б с д е ф г с и
(диаграмма 5)

32. ... L: e2 33. Kc2: e2 34. Kd2+ Kf4+ 35. Fc2. Выиг-

лали у белых лучшая защита?

Почему черные отыгнались от первого нападения?

39. Kd2+ Kf4 40. Cб5 Cf5 41. Kр1. Могли ли белые

оказать более упорное сопро- тивление?

42. Kd2+ Kf4 43. Kр1 L: e2 45. Kр3+ Kd3 46. Kр2

47. Kр3+ Kd2 48. Kр2

49. Kр3+ Kd1 50. Kр2

51. Kр3+ Kd2 52. Kр2

53. Kр3+ Kd1 54. Kр2

55. Kр3+ Kd2 56. Kр2

57. Kр3+ Kd1 58. Kр2

59. Kр3+ Kd2 60. Kр2

61. Kр3+ Kd1 62. Kр2

63. Kр3+ Kd2 64. Kр2

65. Kр3+ Kd1 66. Kр2

67. Kр3+ Kd2 68. Kр2

69. Kр3+ Kd1 70. Kр2

71. Kр3+ Kd2 72. Kр2

73. Kр3+ Kd1 74. Kр2

75. Kр3+ Kd2 76. Kр2

77. Kр3+ Kd1 78. Kр2

79. Kр3+ Kd2 80. Kр2

81. Kр3+ Kd1 82. Kр2

83. Kр3+ Kd2 84. Kр2

85. Kр3+ Kd1 86. Kр2

87. Kр3+ Kd2 88. Kр2

89. Kр3+ Kd1 90. Kр2

91. Kр3+ Kd2 92. Kр2

93. Kр3+ Kd1 94. Kр2

95. Kр3+ Kd2 96. Kр2

97. Kр3+ Kd1 98. Kр2

99. Kр3+ Kd2 100. Kр2

101. Kр3+ Kd1 102. Kр2

103. Kр3+ Kd2 104. Kр2

105. Kр3+ Kd1 106. Kр2

107. Kр3+ Kd2 108. Kр2

109. Kр3+ Kd1 110. Kр2

111. Kр3+ Kd2 112. Kр2

113. Kр3+ Kd1 114. Kр2

115. Kр3+ Kd2 116. Kр2

117. Kр3+ Kd1 118. Kр2

119. Kр3+ Kd2 120. Kр2

121. Kр3+ Kd1 122. Kр2

123. Kр3+ Kd2 124. Kр2

125. Kр3+ Kd1 126. Kр2

127. Kр3+ Kd2 128. Kр2

129. Kр3+ Kd1 130. Kр2

131. Kр3+ Kd2 132. Kр2

133. Kр3+ Kd1 134. Kр2

135. Kр3+ Kd2 136. Kр2

137. Kр3+ Kd1 138. Kр2

139. Kр3+ Kd2 140. Kр2

141. Kр3+ Kd1 142. Kр2

143. Kр3+ Kd2 144. Kр2

145. Kр3+ Kd1 146. Kр2

147. Kр3+ Kd2 148. Kр2

149. Kр3+ Kd1 150. Kр2

151. Kр3+ Kd2 152. Kр2

153. Kр3+ Kd1 154. Kр2

155. Kр3+ Kd2 156. Kр2

157. Kр3+ Kd1 158. Kр2

159. Kр3+ Kd2 160. Kр2

161. Kр3+ Kd1 162. Kр2

163. Kр3+ Kd2 164. Kр2

165. Kр3+ Kd1 166. Kр2

167. Kр3+ Kd2 168. Kр2

169. Kр3+ Kd1 170. Kр2

171. Kр3+ Kd2 172. Kр2

173. Kр3+ Kd1 174. Kр2

175. Kр3+ Kd2 176. Kр2

177. Kр3+ Kd1 178. Kр2

179. Kр3+ Kd2 180. Kр2

181. Kр3+ Kd1 182. Kр2

183. Kр3+ Kd2 184. Kр2

185. Kр3+ Kd1 186. Kр2

187. Kр3+ Kd2 188. Kр2

189. Kр3+ Kd1 190. Kр2

191. Kр3+ Kd2 192. Kр2

193. Kр3+ Kd1 194. Kр2

195. Kр3+ Kd2 196. Kр2

197. Kр3+ Kd1 198. Kр2

199. Kр3+ Kd2 200. Kр2

201. Kр3+ Kd1 202. Kр2

203. Kр3+ Kd2 204. Kр2

205. Kр3+ Kd1 206. Kр2

207. Kр3+ Kd2 208. Kр2

209. Kр3+ Kd1 210. Kр2

211. Kр3+ Kd2 212. Kр2

213. Kр3+ Kd1 214. Kр2

215. Kр3+ Kd2 216. Kр2

217. Kр3+ Kd1 218. Kр2

219. Kр3+ Kd2 220. Kр2

221. Kр3+ Kd1 222. Kр2

223. Kр3+ Kd2 224. Kр2

225. Kр3+ Kd1 226. Kр2

227. Kр3+ Kd2 228. Kр2

229. Kр3+ Kd1 230. Kр2

231. Kр3+ Kd2 232. Kр2

233. Kр3+ Kd1 234. Kр2

235. Kр3+ Kd2 236. Kр2

237. Kр3+ Kd1 238. Kр2

239. Kр3+ Kd2 240. Kр2

241. Kр3+ Kd1 242. Kр2

243. Kр3+ Kd2 244. Kр2

245. Kр3+ Kd1 246. Kр2

247. Kр3+ Kd2 248. Kр2

249. Kр3+ Kd1 250. Kр2

251. Kр3+ Kd2 252. Kр2

253. Kр3+ Kd1 254. Kр2

255. Kр3+ Kd2 256. Kр2

257. Kр3+ Kd1 258. Kр2

259. Kр3+ Kd2 260. Kр2

261. Kр3+ Kd1 262. Kр2

263. Kр3+ Kd2 264. Kр2

265. Kр3+ Kd1 266. Kр2

267. Kр3+ Kd2 268. Kр2

269. Kр3+ Kd1 270. Kр2

271. Kр3+ Kd2 272. Kр2

273. Kр3+ Kd1 274. Kр2

275. Kр3+ Kd2 276. Kр2

277. Kр3+ Kd1 278. Kр2

279. Kр3+ Kd2 280. Kр2

281. Kр3+ Kd1 282. Kр2

283. Kр3+ Kd2 284. Kр2

285. Kр3+ Kd1 286. Kр2

287. Kр3+ Kd2 288. Kр2

289. Kр3+ Kd1 290. Kр2

291. Kр3+ Kd2 292. Kр2

293. Kр3+ Kd1 294. Kр2

295. Kр3+ Kd2 296. Kр2

297. Kр3+ Kd1 298. Kр2

299. Kр3+ Kd2 300. Kр2

301. Kр3+ Kd1 302. Kр2

303. Kр3+ Kd2 304. Kр2

305. Kр3+ Kd1 306. Kр2

307. Kр3+ Kd2 308. Kр2

309. Kр3+ Kd1 310. Kр2

311. Kр3+ Kd2 312. Kр2

313. Kр3+ Kd1 314. Kр2

315. Kр3+ Kd2 316. Kр2

317. Kр3+ Kd1 318. Kр2

319. Kр3+ Kd2 320. Kр2

321. Kр3+ Kd1 322. Kр2

323. Kр3+ Kd2 324. Kр2

325. Kр3+ Kd1 326. Kр2

327. Kр3+ Kd2 328. Kр2

329. Kр3+ Kd1 330. Kр2

331. Kр3+ Kd2 332. Kр2

333. Kр3+ Kd1 334. Kр2

335. Kр3+ Kd2 336. Kр2

337. Kр3+ Kd1 338. Kр2

339. Kр3+ Kd2 340. Kр2

341. Kр3+ Kd1 342. Kр2

343. Kр3+ Kd2 344. Kр2

345. Kр3+ Kd1 346. Kр2

347. Kр3+ Kd2 348. Kр2

349. Kр3+ Kd1 350. Kр2

351. Kр3+ Kd2 352. Kр2

353. Kр3+ Kd1 354. Kр2

355. Kр3+ Kd2 356. Kр2

357. Kр3+ Kd1 358. Kр2

359. Kр3+ Kd2 360. Kр2

361. Kр3+ Kd1 362. Kр2

363. Kр3+ Kd2 364. Kр2

365. Kр3+ Kd1 366. Kр2

367. Kр3+ Kd2 368. Kр2

369. Kр3+ Kd1 370. Kр2

371. Kр3+ Kd2 372. Kр2

373. Kр3+ Kd1 374. Kр2

375. Kр3+ Kd2 376. Kр2

377. Kр3+ Kd1 378. Kр2

379. Kр3+ Kd2 380. Kр2

381. Kр3+ Kd1 382. Kр2

383. Kр3+ Kd2 384. Kр2

ПЛОДЫ «ПРОСВЕЩЕНИЯ»

Рисунки Е. Гурова

— Это что же, товарищ профессор? Меня в деревню! Талант в землю зарывать?

— Знаешь, Леля, никак не могу выбрать профессию.
— А ты что, работать поступаешь?
— Да нет... Думаю, за инженера замуж выходить или за врача...

Различные специальности в представлении Эдуарда Белоручинца.

Цена номера
2 руб.

